

Қостанай облысы әкімдігі мәдениет
басқармасының «Лисаков Жоғарғы Тобыл
тарихы мен мәдениеті мұражайы» КММ

КГУ «Лисаковский музей истории и культуры
Верхнего Притоболья» Управления культуры
акимата Костанайской области

«Лисаков ардагерлері соғыс туралы»

«Лисаковские ветераны о войне»

**«Лисаковская новь» газетінде жарияланған Ұлы Отан соғысына
қатысушылардың естеліктері (1969-2015жж.)**

**Воспоминания участников Великой Отечественной войны,
опубликованные в газете «Лисаковская новь» (1969-2015гг.).**

Лисаков, 2020
Лисаковск, 2020

Шығаруға жауапты: Лисаков Жоғарғы Тобыл тарихы мен мәдениеті мұражайының басшысы Ш. Е. Ермағамбетова

Редакция алқасы: А. А. Дуйсмухамбетова, О. Г. Князева, М. А. Накипов

Ответственная за выпуск: Ш. Е. Ермагамбетова руководитель Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья

Редакционная коллегия: А. А. Дуйсмухамбетова, О. Г. Князева, Ж. А. Накипов.

1.Аскарров Г.

«Пусть никогда не повторится».

Самое главное чувство, которое испытываем мы, ветераны, празднуя 45-летия дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-45 гг., - это чувство гордости. Мы причастны к истории страны. Хочу рассказать об отдельных вехах моей судьбы, похожей на миллионы других.

В августе 1943 года наша часть в составе 2-го Украинского фронта участвовала в боях за освобождение города Харькова от немецко-фашистских захватчиков. В сентябре форсировали Днепр в районе поселка Бородаевка Николаевской области. Три дня шел бой. Особо отличился зенитно-пулеметный расчет, которым командовал сержант из нашей роты Василий Белов. За проявленный героизм и отвагу ему было присвоено звание Героя Советского Союза. А меня как командира пулеметной роты, наградили орденом Отечественной второй степени. В Николаевских степях я был ранен в правую руку. Меня отправили в госпиталь. После излечения участвовал в войне с милитаристской Японией. Пройдя через две войны, я говорю: «Пусть над нашей землей всегда будет чистое небо!».

Лисаковская новь №39 от 19 мая 1990 г.

2.Баракин Г.

«Семь долгих лет».

Семь лет не снимал я солдатскую гимнастерку. Ушел служить в армию, да там и застала меня война. Воевал на Волховском фронте под Ленинградом. Был трижды ранен. Война для меня закончилась в 1944 году: наши войска вышли к Балтийскому морю. Однажды в бою я увидел рядом с убитым фашистским солдатом выпавшую из кармана гимнастерки фотографию. Я поднял ее. На фотографии была снята красивая, нарядная молодая женщина с маленьким ребенком на руках. Женщина улыбалась, глядя на хорошенького пухлощекого малыша. Жена и сын убитого. До сих пор помню эту фотографию и часто думаю: зачем было нужно немецкому солдату идти на нашу землю? Он принес страдания не только моему народу. Он осиротил и свою семью. Не нужна нам была его смерть, но, как гласят давние слова «Кто с мечом придет, тот от меча и погибнет»

Никогда советских людей не радовали, и не будут радовать слезы сирот. Поэтому и стоит в Берлине памятник советскому солдату со спасенной немецкой девочкой на руках.

Г.Баракин, кавалер ордена Славы.

Лисаковская новь №15 от 23 февраля 1977 г.

З.Безрук М.

Берлин пал, Война кончилась.

Михаил Безрук воевал в составе 4 гвардейской танковой армии. Задача была единственная добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы.

- Две недели проводились подготовительные учения, нам твердили: « Вы должны это сделать, и тогда вы войдете в историю».

За сутки с боями проходили по 5 – 6 км. Бранденбург, Потсдам – все осталось позади, впереди – Берлин.

25 апреля 1945 года ультиматум, выдвинутый Жуковым, - сдаться, немецкая сторона не приняла, и I Украинскому и двум Белорусским фронтам удалось замкнуть кольцо над Берлином.

Советские войска 1 мая находились уже в полутора километрах от рейхстага. У немцев была сильная оборона – готовность была самая что ни на есть боевая. В ход пошли и «катыши», и авиация. Бой был ожесточенным и решающим. «Во второй половине следующего дня до нас дошли слухи, что Борман дал поручение – вести переговоры с Жуковым о создании временного правительства. Жуков отказался. Ночью третьего мая объявили: «Берлин пал!»

В тот солнечный день начали работать полевые кухни, царили радость и спокойствие.

3 мая стало для Михаила Анисимовича днем окончания войны, но не военных действий. В ночь с 4 на 5 мая 5 гвардейский корпус, в которой входила армия, по радиосигналу «Помогите спасти Прагу» добирался через Эльбу и Рудные горы к восставшим по очень узким дорогам, по которым может пройти только одна единица техники. Праге помогли 12 мая, а через три дня в Чехословакии для Михаила Безрука наступил настоящий долгожданный День Победы. Ребят поздравили два маршала и пять генералов. Был праздник.

До августа Михаил Анисимович прослужил в Чехословакии. Прагу изучил вдоль и поперек. Запомнил случай, когда он с ребятами покупал билеты в цирк, а немцам билеты не продавали – запрет. В конце лета 45-го по боевой тревоге Михаила Анисимовича срочно перебросили под Львов. Затем их полк отправили в Туркестан, а потом переименовали в 40 танковую армию, молодые ребята из которой позже воевали в Афганистане.

В августе 2005 года Михаил Безрук, который ушел на фронт в январе 43-го семнадцатилетним мальчишкой из Щербиновки Тарановского района, отметит свое 80-летие.

Лисаковская новь № 18 от 05 мая 2005 г.

4.Безрук М.

«Дорогами победы».

«- Как я встретил победу?... Об этом, пожалуй, рассказать невозможно. С того памятного года большей радости не было ни у кого из тех, кто пережил войну...

Когда меня призвали на фронт, войска нашей армии перешли в наступление по всем линиям фронта. Наш гвардейский корпус вел освободительные бои под Орлом и Брянском, в Каменец – Подольске и Львове...

Помню, как перед каждым боем старшие бойцы понуро сидели за письмами. Там, в тылу, их ждали семьи, но кто мог знать, удастся ли остаться в живых после сражения. Мы же, молодые, ждали боевых действий с нетерпением – уставали от многодневных «передышек» в тесных завшивленных окопах. А письма писали мамам...

Перед тем, как идти на Берлин, мы были сосредоточены в 140 километрах от него. В течение двух недель происходило пополнение техникой, боеприпасами. А с личным составом проводили политзанятия – говорили о том, что каждый из бойцов должен олицетворять образ русского солдата, что бы мирные жители Германии, других стран видели воина – освободителя, которому не присущи жестокость, насилие и мародёрство. Впоследствии, будучи уже в Берлине и Польше, Чехии мы свято помнили обо всём этом. И, кстати, памятник в столице Германии русскому солдату с девочкой на руках – это отражение образа действий в те дни каждого из нас, многим из которых не было и двадцати.

Накануне решительных боевых действий на подступах к Германии меня с товарищами принимали в комсомол. Серьёзно, торжественно. Я в тот момент волновался не на шутку: ведь комсомольский билет, так же как и партийный, был на фронте святыней. Залогом справедливости, чести и преданности Родине.

Вскоре после этого мы пошли в наступление. Каждый метр давался с огромными трудностями: по болотистой местности тащили тяжёлые орудия; после атак воздушной авиации пробирались сквозь лесные пожары. В танках находиться было невозможно – шли пешком сквозь бурелом, огонь и густую пелену едкого дыма.

В первые дни наступления старательно фиксировали каждый пройденный километр. В первый день, помню, политрук громко выкрикнул цифру «15» - столько прошли. Считать прекратили лишь на самых подходах к Берлину. Нас, конечно, воодушевляла каждая пядь и никто в те дни не думал об усталости. Хотелось одного – поскорее дойти...

На подступах к Берлину мы, помнится, освобождали лагерь для военнопленных. Один из его узников подошёл к нашему командиру и горячее его поблагодарил и дал свой адрес, объяснив, что будет ждать от него письма. Оказалось - это был весьма высокий политический деятель Франции. Потом был Берлин. Наш корпус прошёл вдоль юго – западной его части, брали главпочтамт и штаб Министерства обороны Германии . Ожесточенные рукопашные бои шли буквально за каждый этаж... В центре города сомкнулись в кольцо 1 Украинский и 1 Белорусский фронты.

Это наступление было настолько продуманным, что улицы города были буквально разбиты по квадратам, которые надлежало взять тому или иному подразделению двух фронтов.

Особой вражды по отношению к себе мы не чувствовали. Запомнились мне и растерянные лица немецких солдат: командование, отступая, оставляло многих из них на произвол судьбы.

Один из пленных сослужил нам как то неплохую службу. Продвигаясь по улицам Берлина, мы столкнулись с серьёзным препятствием: с крыши двухэтажного здания был открыт огонь из снайперской винтовки. «Снять» снайпера – дело не шуточное, для этого нужно открыть массированный огонь по зданию, в котором находились люди...

Взяв «языка», я пробрался внутрь этого дома. Встретил нас хозяин лавки, что расположена на первом этаже, и после долгих переговоров он «доставил» нам снайпера, убедившись, что сопротивление такого рода бесполезно. А когда мы уже собрались выходить, в лавку зашли ещё трое солдат в форме американской армии.

Встречу с американцами советских войск описывают в книгах по разному, а мне довелось с ними встретиться именно так.

В ночь со 2 на 3 мая, находясь на боевом посту в южной части Берлина, мы слышали непонятный нарастающий гул. Он всё усиливался и словно перекачивался, приближаясь к нам. Потом мы поняли что это: тысячи голосов кричали одну и ту же фразу: «Кончилась война!». Звучали и сотни выстрелов, сливаясь в одно целое.

Мы тоже, помню, орал что есть мочи. Схватили винтовки и выпустили в воздух все патроны до одного. Потом кинулись обниматься и целоваться, а в душе творилось что – то непередаваемое... Утром, как рассвело, уселись за письма – писали домой, что скоро вернёмся.

Потом была Златопрага, как называли её чехи, и Альпы на границе Чехословакии и Австрии. Там обосновались тысячи эсэсовцев, власовцев, словом тех, с кем мы воевали. Сопротивление их было достаточно упорным. Кому - то удалось скрыться, очень многих мы взяли в плен.

По дорогам Чехии мы шли уже победителями. Помню, как встречали нас жители этой страны: обнимали, плакали. Девушки отовсюду несли посуду с холодной водой, чистые полотенца, что бы мы могли освежиться.

Молодёжь, ребяташки садились на танки, ехали с нами несколько километров, потом возвращались домой.

В Карпатах, когда мы добивали остатки фашистских группировок, я получил осколочное ранение. Это было 12 мая. А 14 мая в Чехословакии отпраздновали День Победы.

До августа мы жили в деревеньке под Прагой, затем всех отправили домой, а меня – в госпиталь.

Лишь в начале 1946 года, мне тогда исполнилось 20 лет, я встретился с мамой, но не надолго: фронтовые заслуги не снимали с семьи «врага народа» этого клейма. Через год мы с матерью уехали в Новосибирск. Там у меня появилась семья, родились дети – сын и дочь. А сейчас у нас подрастает трое правнуков, в августе мы с Галиной Яковлевной отмечаем свою золотую свадьбу.»

(за свой фронтовой путь Михаил Анисимович получил две медали «За отвагу» и орден Отечественной войны III степени.)

Лисаковская новь № 34 от 8 мая 1996 г.

5.Близниченко В.

«Нерушимое братство».

Пловдив. Мельком слышал. Что сейчас это один из крупных культурных, промышленных центров Болгарии. А тогда, в военном 1944 – м, это был городок ничуть не больше нашего Лисаковска.

Тёплый климат, богатая природа, а главное, отношение болгар (без исключения можно сказать, почти каждого), к русским освободителям как к своим старшим братьям - надолго сохранились в памяти. «Братушка»- так они нас называли. Ни одного праздника здесь не было, чтобы не пришла делегация от местных жителей с приглашением. У них считалось: праздник – не праздник, если нет на нём русского.

Прибыл в Болгарию я в сентябре 1944, с Украины в составе своей прославленной гвардейской дивизии. И пробыл здесь до октября 45 – го года. Выступая по поводу 40-летия социалистической революции в Болгарии, Тодор Живков заявил, что от руки болгар не пал ни один советский солдат. Да. Это так. Я прослужив в солнечной стране чуть более года убедился в этом. Здесь благодарность к русскому народу сохранилась ещё со времён освобождения от турецкого ига, с Шипки. У нас первое время, когда мы плохо ещё понимали болгарский язык, переводчиком был русский. как – то он разоткровенничался, бывший белогвардеец, бежавший сюда после разгрома Врангеля. Имеет свой дом, небольшую лавочку, которая позволяет содержать себя и семью. Однако жить трудно - не признают таких как он болгары, не хотят водить с ними дружбу. «Какой ты русский, если бежал с Родины?»

Если коснуться истории того, как совершилась в Болгарии социалистическая революция, то мне как очевидцу, ясно одно – к приходу советских войск она уже была подготовлена полностью, болгарский народ в большинстве своём был уже на пути к новому обществу. А так как Болгария официально, из – за продажности аристократической верхушки, считалась союзницей фашисткой Германии, болгарам нужно было только одно – поддержка советской страны. И мы эту поддержку осуществили. Буквально за сутки советские войска казались на всей территории страны. Перед нами, например, становили тогда задачу – не дать фашистам уйти.

Остальное завершил сам болгарский народ, подготовивший изнутри социальный переворот. И правы болгары, когда с гордостью говорят – хоть страна и считалась союзницей Гитлера, ни один уважающий себя болгарин не воевал на стороне немцев.

Сразу после Победы, после демобилизации я вернулся домой, так получилось, что не осталось у меня связей с Болгарией. Работа в советских органах, политучёба, целина поглотили воспоминания о солнечной стране. Намного позже я узнал, что в Болгарии состоялись торжества, на которые приглашались все советские солдаты, участвовавшие в освободительной миссии. И многим болгарский народ торжественно вручал медали. «Медаль на Отечественная война 1944 -1945г.г.»- выгравировано на ней. Ждала такая медаль и меня.

Сейчас, по прошествии стольких лет, у меня есть задумка. Хорошо бы нам с ребятами членами КИДа из школы №2, с которыми у меня тесная дружба, съездить в Пловдив. Посмотреть что там изменилось, как сложилась судьба тех, кого я знал. А как бы ребятам это было интересно – ведь оживающая на глазах история – это куда более памятно, чем просто воспоминания ветерана.

Лисаковская новь № 71 от 14 сентября 1984 г.

б.Близниченко В.

«Этот подвиг – в памяти навечно».

1941 год. У Василия Близниченко, связиста танковой дивизии, как и у многих его товарищей, приближается конец службы – и домой. Но другая судьба ждала сержанта. Как обычно, утих к ночи палаточный городок. Но не ясное утро разбудило солдат, а отрывистый голос дневального: «Тревога!»

Наскоро одеваясь вместе с другими, услышал Василий сообщение, от которого защемило сердце. И не поверил поначалу, что война.

Бои следуют один за другим, и бойцы теряют им счёт. Полк, в котором воюет Василий, прикрывает свою дивизию. Отходящую на восток 5. Вот ранен в атаке друг сержанта Ковалёв, геройски погиб старшина Кузнецов. В батальоне уже не осталось ни одного командира, а сержантов только трое. И в их числе Близниченко.

Так, с боями, дошёл Василий до Старой Руссы. Назначили командиром взвода.

В одном из боёв получил Василий тяжелую контузию. Два месяца лечения, и, после ускоренных офицерских курсов в военно-пехотном училище, снова в бой. В 1942 году фашистское командование предприняло крупное наступление. Противник рвался к Волге и Кавказу.

Началась беспрецедентная в истории Сталинградская битва. Сюда, на защиту города, лейтенантом батальона истребителей прибыл Василий Близниченко.

Он рассказывает:

«Специальные части – танковые и артиллерийские, катюши, машины с боеприпасами и горючим – подтягивались для обороны Сталинграда. Дни и ночи бушевала эта величайшая битва на Волге. Гитлеровское командование не жалело ни людей ни техники. Однако защитники волжской твердыни не только отразили множество яростных атак, но и, окружив, наголову разбили отборные войска захватчиков.

Помню бой в районе магазина, где находился штаб гитлеровцев. Этот район был весь испещрен подвалами. А наверху, на крышах домов, засели снайперы, минометчики, автоматчики, которые вели прицельный огонь по наступающим. Несколько раз мы атаковали, но только теряли людей, тогда родился следующий план. Огнем из катюш заставить фашистов попрятаться в подвалы. И после третьего залпа молниеносной атакой пехоты занять все выходы и входы в эти подвалы. Так сказать, «мышеловка». И этот план отлично сработал. Гитлеровцы были блокированы, «мышеловка» захлопнулась.

Но это только один из небольших эпизодов этого громадного по своим масштабам и действиям сражения. Здесь, у стен города – героя, как и у Москвы, забуксовала и остановилась военная машина гитлеровской Германии. В плену у советских войск оказалась 330 тысячная фашистская армия.

За отвагу и беспримерный героизм в боях под Сталинградом стрелковая дивизия, в которой служил Близниченко, была переименована в гвардейскую. Сам Василий Савельевич за участие в обороне Сталинграда и проявленные при этом стойкость и мужество был награждён орденом Красной Звезды и медалью.

Лисаковская новь № 9 от 2 февраля 1983 г.

7.Бондарев И.

«Испытания не сломили».

Был я подростком, учился в техникуме. Вдруг - война. Техникум пришлось бросить и вернуться к родителям. Пошел работать. В декабре 1942 года направили в военное училище в город Уфу. Из училища сразу же на фронт.

Воевал на 3 Белорусском. Здесь же мне пришлось впервые участвовать в боевых действиях в операции «Багратион» После освобождения Витебска мы вышли на государственную границу СССР. Все войны- русские, украинцы, грузины, казахи, узбеки понимали, что фашисты не разбиты, что впереди самое главное- добить фашистского зверя в его логове.

Два месяца мы держали оборону на границе Литвы и Восточной Пруссии. В октябре началась Восточно - Прусская операция. При участии в этой операции я был тяжело ране, от смерти, спас адъютант. Было моим солдатам по 18 лет, были и старше своего командира, которые годились мне в отцы. Три месяца провел я в госпитале, вернулся на фронт. В 1944 году приняли кандидатом в партию, снова ранение. Победу встретил в госпитале, далеко от фронта, но все- таки я был рад за моих товарищей, дошедших до Берлина. Тридцать лет- это большой срок. Выросло новое поколение. Пусть же оно никогда не знает этого слова – война.

Лисаковская новь №15 от 23 февраля 1977 г.

8.Вавилов К.

«Дорога испытаний».

Сначала повезли Кузьму Николаевича, как и сотни других, в Энгельс, затем Вольск, Москву. В Москве с вокзала можно было видеть вспышки огней, отсветы зажигательных бомб. Артиллерия врага била по городу. Больше всего волновал ход подмосковных битв. Почему не вводят в бой? Как на Можайском направлении? Что делается под Волоколамском?... Но им предстояло учиться. Оттянули назад, в город Димитров, что стоит в 60 километрах от Москвы. Город пуст. На улицах тихо. Люди ушли, бросив обшитые дома. Бойцам среди поступившей ночи было страшно видеть этот пустынный город, где предстояло прожить несколько месяцев.

Потянулись дни учебы. Люди втягивались, привыкали. Готовился десант в тыл врага. На счету у Кузьмы Николаевича пять боевых прыжков.

В один из апрельских дней поступил приказ: «Быть в полной боевой готовности!». Ждали долго. Но заброска во вражеский тыл не состоялась, а повезли бойца Вавилова на Северный Кавказ на защиту Грузинской нефти.

Приехали в Грозный ночью. Тьма вокруг. Едва не разместились, провели митинг. Здесь дали нефтяникам клятву, что врага не пропустят.

На рассвете двинулись на передовую. Только сделали привал, не успели толком разведать местность, развернуться, как пришлось с ходу вступить в бой.

Страх при виде фашистов, шквального огня, растерянность прошли в первые минуты. Свист снарядов, пулеметные очереди – все это смешалось в один гул. Многих в первом бою положило. «Мы тогда неразлучными друзьями были с Алексеем Марфиным, -

вспоминает ветеран. Вместе в школу бегали, по соседству жили и Родину защищать довелось вместе. Алексей непрерывными очередями бил по врагу. Я был рядом и не выпускал друга из виду. Но разве предвидишь все! Его пулемет привлек фашистов. Среди грохота боя слышу, стонет человек. Выждав немного, добрался до канавы.

Он рядом лежит. Взвалил на спину Алексея, ручной пулемет и по дну канавы вышел из огня, сдал в мед-санбат. Вернулся на передовую. Наши уже перешли в наступление. И гнали мы немцев до самого Моздока».

Лисаковская новь №35 от 8 мая 1980 г.

9.Вавилов К.

«Не забыть мне Кавказскую землю».

Наверное, каждый, кто воевал, особенно помнит какой – то один бой, атаку, какое - то особенно дорогое событие, что он пронес через всю жизнь. Вот и у меня. Ушел на фронт - то я добровольцем – 19 лет мне тогда было. Сформировали нас в Куйбышеве (сам я из Куйбышевской области) и сразу направили под Москву. Там пришлось, и выдержать и первый в моей жизни бой под Дмитровом.

А потом неожиданно нашу бригаду отправили на защиту Северного Кавказа. Под Грозный. Погрузили в поезд, и несколько суток ехали мы по тревожной, объятай огнем, земле. Проехали всю Волгу, стояли в Астрахани. И всюду – тревожные лица женщин, детей, всюду напутствия и надежда, светившаяся в глазах – вы уж защитите нас. Всюду бомбежки, приготовления к обороне. Такое не забывается. Может быть, именно тогда мы, фактически необстрелянные, безусые юнцы, проникались чувством Родины великой, со всей серьезностью начинали чувствовать свою ответственность за судьбу своей страны, своего народа.

И вот прибыли в Махачкалу. В этот же день, прямо с поезда часть из нас отправили в Грозный на митинг. А над городом – зарево пожарищ, беспрестанные бомбежки. Митинг был коротким. Выступали горожане, выступали солдаты. Грозненцы надеялись на нас и просили защищать город, не жалея сил. А потом горожане нашли возможность показать нам фильм «Свинарка и пастух». Я этот фильм до сих пор в подробностях помню. Вот так – под непрерывным обстрелом врага, в тревожной обстановке готовящегося к обороне города, мы сидели и смотрели художественный фильм.

На второй день мы уже шли пешком. Весь день, потом – ночь. На другой день. И вот ужин. Только мы приготовились, как команда – приближается немецкая пехота. Первый бой на Кавказкой земле. И началось. Перерывов мы не помнили. Бой за боем, прет фашистская техника: то обстреливают, бомбят самолеты, то идут танки, то пулеметчики. Немец рвался к сердцу Кавказа. Мы дрались за каждый клочок земли, за каждую пядь. Все меньше нас становилось. Подкрепления мы не ждали. Вот уже и от батальона человек 10 осталось. Да что там говорить - из всей бригады человек 30. А немец

прет. Наглый, ожесточенный. Помню случай. Встретил я как – то друга – из одного села мы с ним. Вместе на фронт ушли, вместе под Москвой были. А потом долго я его не видел. А тут встретились. Отошли в безлюдную траншею – давай расспрашивать друг друга: Как воюешь? Где? Какие вести из дома?

А тут, видимо, немец из самолета нас приметил. И давай обстреливать. Круг делает, вираж и пулеметной очередью по траншее. Мы то к одной стенке шарахаемся, то к другой прижмемся. Долго так гонял. Да безрезультатно. А был случай – многие наши солдаты видели. Вражеский немецкий летчик гонялся за беззащитной, обезумевшей от страха женщиной по полю. Много было таких случаев, что только больше закаляли нашу ненависть к врагу. И хоть мало нас стало, а теснили мы врага.

Потом ранило меня. И остальные военные годы я шел уже в составе 3-го Белорусского фронта.

До самого Кенигсберга. Но больше всего остались в памяти бои под Грозным.

После войны я со многими земляками, однополчанами поддерживал связь. И вот в прошлом году, в октябре пригласили меня на встречу ветеранов в Грозный.

Эта первая встреча ветеранов мне очень запомнилась. Особенно как нас встречали – как дорогих гостей. В первый же день как приехали (вернее на следующий – т.к. многие, в том числе и я, прилетели вечером, ночью), повезли нас по городу. Потом высадили из автобуса и предложили метров 100 до памятника Ленину пройти пешком. И вот тут – то нас встретили Грозненцы. на улицах – толпы людей. Много цветов. Нас буквально забросали ими. Трудно было подавить волнение от этой встречи. И радостно сознавать, что помнят люди те страшные годы, не иссякла, не померкла их благодарность защитникам города. Для нас воевавших на этой земле, нет большей радости, чем такая встреча.

А потом нас повезли на места бывших боев. Сейчас там всюду виноградники. Но до сих пор находят люди здесь воинское снаряжение. Личные вещи солдат, оружие, человеческие кости. Сколько их здесь лежит - неопознанных, неизвестных пока еще советских воинов, погибших при защите города. Все находят и находят жители останки русских солдат и бережно хоронят их в братских могилах. А юные следопыты ведут поиск – кто и как погиб на Кавказской земле. Очень много здесь братских могил, памятников погибшим. Я, например, в списках нашел только две знакомые фамилии. А сколько их еще лежит здесь, не доживших до победы, кого не дождались дома и до сих пор не знают, где похоронен. Идет поиск и верится, что ребятам удастся разыскать всех. Кто сложил здесь свою голову.

40 лет прошло. А здесь, на Кавказской земле, все еще находят смертоносные остатки войны. Осторожно выкапывают саперы мины, снаряды, и звучат в отдалении тревожные взрывы. Как торжественный салют павшим, как грозное напоминание.

(К.Вавилов, участник ВОВ, участник обороны Кавказа, кавалер ордена Красной Звезды.).

Лисаковская новь № 15 от 23 февраля 1983 г.

10.Вилинбахова М.

«Наша память».

Конечно, понимаешь, что об этом надо говорить, надо рассказывать молодым - тем, кто не ведал войны. Надо что бы знали, чтобы помнили, как это страшно. Для меня война началась. Как и для многих, в 19 лет. Я закончила мед училище, работала на Украине. А на фронт попала по добровольному комсомольскому набору. Можно сказать, более всего воспоминаний у меня связано со Сталинградской битвой. Я в это время была санинструктором в зенитной батарее. Дело в том, что документы (в частности диплом) все оставались дома у матери - кроме паспорта и справки. Поэтому половину войны я прошла рядовым (до 1943г.)

Батарея наша насчитывала четыре пушки. Стояли мы на острове Сарпинский - напротив Сталинграда. 23 августа не помню за какой надобностью, я перебралась в город. Был такой мирный жаркий день. На улицах, на берегу Волги - толпы народа. Казалось, фронт не близко. Что еще будет? Знаете, ведь люди не в состоянии жить одними страданиями. Наверное, психика человеческая этого бы не вынесла. И как только какая-то передышка, все спешили воспользоваться ею до конца. Этот яркий, солнечный день, казалось, не предвещал ничего плохого. Вдруг около полудня появились фашистские самолеты. Да сколько! Куда ни глянь - по тридцать, сорок - со всех сторон. И гул. Этот тягучий, надсадный звук перегруженных смертью машин... Наверное, всем кто пережил войну, навечно врезался в память эта смертоносная музыка. Низкое бормотание, кажется, заполняет весь воздух: «Везу-у! Везу-у! Везу-у!» Через некоторое время начинают нервно стрекотать наши зенитки: «Кому-кому - кому?» И глухое «Вам! Вам! Вам!». Пошли бомбы. Не когда мне не забыть эти толпы обезумевших людей, крики, стоны, мечущие дети... Буквально через несколько часов город весь пылал. Мне удалось прорваться к своим. По приказу командования мы заняли позицию на Песчаной косе. представляете: справа, слева - все горело, и мы - как на ладони... На моих глазах разорвало бомбой восемь девушек, работавших с приборами. А потом, уже в самом городе, я своими глазами видела, как погибла вся наша батарея... Какими словами можно это рассказать, описать?! Старели мы в эти годы за несколько минут, часов. Помню одну девушку, которая поседела буквально за несколько часов. Ей, вместе с радиолокационным прибором удалось спрятаться в стропилах сарая... А внизу пытали наших солдат, стараясь узнать, где приборы. Это было уже позднее, когда я служила в отдельном батальоне. А День Победы пришел к нам неожиданно - как ко многим, наверное. Я в то время вместе с радиобатальоном находилась в Австрии, в местечке недалеко от г. Грац. Мне уже было присвоено звание младший лейтенант медицинской службы. В общем-то, ходили разговоры, что войне скоро конец. Но как-то не верилось, уже сжились с войной. И вот числа 7-8 мая я вместе с сержантом ездил в город. А у нас посты были расставлены на многие километры от местонахождения батальона. Были и такие, с которых видна была передовая линия фронта: расположения советских войск, немцев.

Едем мы обратно. На этих постах - удивление: исчезла вдруг передовая- ни наших войск ни немецких, и что интересно , - жителей тоже никого не видно. Уже темнеть стало. Подъезжаем к месту расположения батальона: стрельба страшная. Во все стороны трассирующие огненные дорожки. Что такое? Но видно - я –то уж «воробей стрелянный»- все поверху. Сержант осторожничает: «Подожди, выяснить надо, в чем дело ».

А меня любопытство взяло - что- то здесь не так. Короче, подъезжаем к первому посту- а там суматоха невероятная. Кричат все, танцуют, целуются, стреляют вверх. Победа! Победа! Нашу машину обступили со всех сторон. А мы везли своим несколько ящиков яблок. Тут же расхватили. Я прикрываю, пытаюсь хоть что- то оставить, а они орут: «да что ты! Понимаешь? Победа!» Вот так и пришел к нам этот день. И еще хочется вспомнить всех погибших под Сталинградом, Для меня более всего дороги воспоминания о встретивших здесь свою смерть Зине Мухиной и Зине Шевердиной, лейтенанте, кадровом офицере Коробенко, да и о многих других. Для них вся жизнь протекла в 19-20 лет. Они видели все: и радость, и боль, и счастье, и горе. Но они не успели пожить. Не хочется повторять так часто говоримых слов: «Слава, вам, павшие, и вечная память», хочется сказать: « Мы сделаем все, чтобы ваши имена не были забыты».

М. Вилинбахова бывший младший лейтенант запаса.

Лисаковская новь №33 от 5 мая 1978 г.

11.Герасимов Д.

«Не до песен было».

Майору милиции Дмитрию Петровичу Герасимову в жизни доверили соприкоснуться с тем ужасом, вид которого на экране ТВ заставляет людей содрогнуться. Работая в уголовном розыске ему приходилось сталкиваться и с расчлененными, обезображенными трупами, закопанными и нерасчлененными, не погребенными разложившимися – разными. Он видел, как в мирное время друг друга убивали мужья и жены. И все же на вопрос «где страшнее?» он, не колеблясь, отвечает – «на войне». И это, он признает несмотря на то, что этой самой войне не удалось разрушить его жизнь так, как она умела это делать с другими. Благодарю тому, что Дмитрий был старшим среди братишек и сестренки, из семьи на фронте побывал только он. А потому все его близкие остались живы. Благодарю тому, что сохранил его Бог выжил и отделался «лишь» контузией и частичной потерей слуха. И хотя то, что испытывал Дмитрий Герасимов во время войны, со словом «удача» не вяжется, ему все же повезло. Без везения тогда не выживали.

Вспоминает Дмитрий Петрович как однажды он, рядовой пехоты, получив задание от комроты, пополз его выполнять, как, вернувшись обратно, увидел на том месте, где вот только разговаривал с людьми, их мертвые тела и воронку. А однажды на mine подорвалось все отделение Дмитрия. Он шел последним, поэтому уцелел.

Это тогда полуголодные, изможденные ребята верили лишь в Сталина, Родину да «бомогать».

Сегодня Дмитрий Петрович знает – Бог есть. Он помог спастись от самого страшного – от позора. От позора, мысль о котором заставляет появиться скупой мужской слезе на щеке майора милиции. Если бы тогда, в 1943-м, в ночном тумане он со своими товарищами не наткнулся на подбитый танк противника, они бы так и не поняли, что идут с провизией не к своему, а к фашистскому окопу. И минут через пятнадцать попали бы не только в плен, но и были бы названы предателями. Для таких людей, как Дмитрий Герасимов, было страшно даже от мысли, что они могли сдать врагу. Страшно и обидно было бы стоять в стороне и не мстить фашисту за его повсеместное скотство. Ветеран вспоминает, как паршиво чувствовал себя и он, и его друзья, когда не могли выстрелить (боеприпасы закончились) в физиономию оскалившегося германского летчика, самолет которого пролетел над ними дразняще низко. Вспоминает и еще один случай, вовсе не связанный с фашистами. А наоборот, со своими людьми. Именно он, этот эпизод, настолько сильно поразил разум молоденького паренька, что определил дальнейшую его судьбу. В 1943 году Дмитрий открыл для себя, что отнюдь не все советские люди воюют и работают. Были и такие, кто не только укрывал свою шкуру от ответственности, но и грабил своих же, голодных людей. Такие вот беспредельщики избили 17 – летнего Диму еще до того, как он добрался до фронта. Они раздели и, забрав деньги, предназначенные ему на дорогу, выкинули его из идущего поезда. Жизнь Дмитрия, оцененная попутчиками в пару валенок, в две булки хлеба и какие-то копейки, не прервалась отнюдь не из-за человеческой жалости, а потому что упал он на твердую насыпь. Тогда и решил – будет бороться со злом всегда, даже в мирное время. До него, правда, долгожданного нужно было еще дотянуть. Сколько – не знал никто. Как оказалось позже, «всего-то» два года.

К призывному возрасту Дмитрий Герасимов подошел в 1943-ем. До этого работал в трудармии, производил снаряды и мины. На передовую попал в начале 1944 года.

На мой вопрос, пели ли в пехоте те песни, о которых нам рассказывают фильмы, Дмитрий Петрович отвечает – нет. Не до песен, говорит он, было озлобленным, угрюмым, полуголодным, пребывающим в вечном напряжении людям. Людям, которые вынуждены были убивать, спать зимой под снегом, зачастую не более часа в сутки, и идти и идти вперед, не обращая внимания на боль в почерневших от перемерзания ногах, тащить на себе пулемет и винтовку.

Дмитрий Герасимов не успел дойти до Берлина. Положа руку на сердце, говорит, говорит, что не жалеет об этом. И хотя комиссован был после тяжелой контузии, из-за которой долго не мог говорить и слышать, он все же был счастлив, судьба подарила ему жизнь. И пусть ценою здоровья, но она позволила ему вернуться домой на какие-то несколько месяцев пораньше. А ведь кто знает, сумел бы он воплотить свою мечту и стать милиционером, воспитать двоих дочерей, если бы она не дала ему этого, может быть спасительного, времени.

Лисаковская новь №18 05 мая 2005 г.

12.Голубев В.

«Отцовский наказ».

В.Голубев-15 февраля 1942 года наша часть прибыла на фронт под Воронеж. Потом Донской фронт...

О героической защите Сталинграда мы узнавали, только из газет, хотя находились от него не так уж и далеко...Потом подошла осень 1942 года вся страна готовилась к чему то очень важному, и это чувствовал каждый боец и командир.19 ноября 1942 года на нашем участке фронта рано утром начался артиллерийский обстрел такой силы что нельзя было понять, что творится на той стороне Дона. Я переправился в составе своей части в город Серафимович. Нашей задачей было обеспечение своей части боепитанием. На обратном пути вывозили раненых в полевой госпиталь. По пути к городу Калачу нам пришлось семь раз переправляться через Дон. Артиллерийский и минометный огонь был таким, что лед, казалось, кипел. Но водители смело вели машины, зная, что бойцы ждут снаряды и патроны. С первых дней боев нам пришлось столкнуться с чудовищными злодеяниями фашистов. Они загоняли людей в дома и поджигали их. Тогда у командования созрел план: скрытно окружать хутора и внезапным ударом выбивать немцев, что бы, они не успевали сжигать людей. Наш солдат знал, за что он воюет, и с честью выполнял свой долг перед народом и Родиной.

Вспоминается мне такой случай. Подвигаясь в сторону Калача, мы подъехали к центральной усадьбе совхоза имени 1 Мая и увидели женщину, сидевшую на дороге. Рядом с ней - мальчик лет четырех да на руках годовалый ребенок. Они сидели на снегу и буквально примерзали к дороге. Мальчик уже спал, а мать еще боролась со своим сном. Нам пришлось вырубить изо льда...Посадив их в машину. Мы вернулись на хутор. Достали дров, затопили печь. Обогрели, накормили и узнали, что когда наши передовые прошли, два фашиста забрали ее и погнали догонять своих, по дороге они жестоко издевались над ней, а затем бросили. Женщина настолько ослабла, что вернуться домой не хватало сил. Утром я приказал достать продуктов, что бы спасти женщину и детей. Бойцы пошли по подвалам, ища, чего - нибудь съестного, и в одном из складов обнаружили двух фашистов. Это были её мучители. Она признала их. Смертный приговор привели в исполнение. Обратным рейсом нам пришлось, это было уже ночью, везти снаряды прямо на батарею. Противник контрактировал, и нам не разрешалось выезжать не передовую, но пушки наши молчали: у них не было боепитания. Мы приняли решения: ехать. Когда с потушенными фарами прибыли к батарее, то увидели, что около орудий по одному - два человека. Почти все расчеты погибли, нет снарядов. Водители бросились разгружать, снаряды заменили погибших артиллеристов. Батарея стала бить прямой наводкой по наседавшему врагу. Так мы отбили атаку, подожгли два танка, забрали раненых и уехали.

Вспоминая сейчас, как действовали наши войны, выполняя долг перед Родиной, невольно поражаешься их мужеству, находчивости, самопожертвованию.

Лисаковская новь №16 от 24 февраля 1971 г.

13.Горбатюк Г.

«Ярость атак и горечь потерь».

Наша 93 – я гвардейская Харьковская дивизия после окончательного освобождения Харькова в 1943 года была сильно потрепана. Решением командования занимались её пополнением на окраине города, в Зелёной роще (так тогда её именовали). Пополнение сформировали за несколько дней. Нашей дивизии дано было задание в сжатый срок прибыть к Кировограду. Враг яростно дрался за каждый клочок украинской земли. Расстояние от Харькова до передних линий – более 400 километров. Поступил приказ - идти только ночью. Мы шли по 80 и более километров за ночь, изнемогая до предела. На себе несли пулемёты, противотанковые ружья, минометы. А ВТО время была глубокая осень, грязи чуть ли не по пояс. К месту предназначения прибыли в полночь, стали сразу окапываться. Во втором часу ночи нас навели командиры роты и батальона, объяснили, что в три часа нас накормят завтраком, а в четыре – начнётся артподготовка, которая продлится до шести утра, а потом будет приказ идти в атаку.

Наш взвод автоматчиков состоял из 60 человек, в каждом отделении было по 15 бойцов. Всем нам выдали по запасному диску к автомату и по триста патронов, а так же по две гранаты.

Я в то время был командиром третьего отделения, а рядом со мной шло четвёртое, которым командовал мой друг и земляк – Виктор Кияткин. Перед наступлением поговорил со своими подчиненными, разъясняя им, что, когда пойдём в атаку, надо бежать не прямо, а резкими зигзагами, стараясь при падении угодить в воронку от мин и снарядов – это может нам жизнь. Перед вражескими траншеями метров за 30-40 надо бросать туда гранаты и резким рывком врываться в окопы. В тот раз немцы были от нас на расстоянии примерно в полкилометра и когда мы поднимались в атаку, враг открыл огонь из миномётов.

Мы перебежками продвигались вперёд, а когда до окопов противника осталось метров 200, он открыл огонь уже из всех видов стрелкового оружия, заставить нас залечь.

Я скомандовал: «Отделение, вперёд!». Добежав до немецких траншей, бросил туда одну за другой гранаты и припал к земле. Немцы вроде бы молчат, не стреляют, я резким рывком влетел в окопы. Передо мной лежало пять трупов и возле них валялся пулемёт. Увлечённый атакой, я не заметил, что в окопы к фашистам я ворвался один, а наши залегли и стреляют по траншеям. В это время у меня кончились патроны уже во втором диске автомата и, по сути, оказалось, что я остался без боеприпасов и гранат. Хотя, конечно, патроны в моём вещмешке были, но попробуй во время боя зарядить ими диск автомата, когда всё решают буквально секунды. Тут я увидел, что слева по траншее бегут на меня фашисты, видимо туда уже ворвались наши бойцы. Я на мгновение растерялся, стал лихорадочно соображать: что делать, бежать к своим, в суматохе боя они же могут и меня сразить автоматной очередью, оставаться здесь – тоже можно погибнуть. И тут в нескольких метрах от себя на бруствере траншеи заметил ящик с полуоткрытой крышкой. Рванулся к нему. Там оказалось много румынских гранат. В глаза бросилась надпись «заминировано». Решил, а, была – не была, и резко толкнул крышку ящика, а сам упал в

траншею. Взрыва не последовало. А головы фашистские мелькали всё ближе и ближе ко мне.

Я стал бросать в них гранаты одну за другой. Немцы стали выскакивать из траншеи и бежать в свой тыл. Наши залёгшие солдаты тоже поднялись и с криком «Ура!» стали окружать и брать пленных.

После этого боя командование меня поблагодарило, и пригласили в штаб полка, где сфотографировали для фронтовой газеты.

Больно и обидно, что после этой атаки из нашего взвода осталось всего 19 человек, хотя в моём отделении, к счастью, никто не погиб. А вот мой земляк Виктор Кияткин впоследствии всё же был убит.

Меня за тот бой наградили орденом Красной Звезды.

Лисаковская новь №19 от 11 марта 1995 г.

14.Гордейчук З.

«Самый памятный бой»

У каждого человека, который прошел войну, есть самый памятный бой. У меня он есть тоже. Я расскажу о бое, очевидцем и участником которого был сам.

Осенью 1943 года войска Третьего Украинского фронта подошли к Днепру. Перед нами был Днепрогрэс, который фашисты готовились взорвать. В сентябре они подвезли к плотине 12 вагонов со взрывчаткой и авиабомбами. Через месяц – еще 17 вагонов. Плотина была начинена взрывчаткой, и стоило там, на правом берегу включить рубильник, - Днепрогрэс перестал бы существовать.

Мы получили приказ: во что бы то ни стало спасти Днепрогрэс. Была создана специальная группа добровольцев - минеров, водолазов, связистов, в числе которых был я. Водолазы работали внизу, у основания плотины. Минеры каждую ночь выходили на плотину, потом спускались в тоннели. Обшаривали залитые ледяной водой тоннели – искали провод, который шел к «адской машине». С острова Хортица плотину прощупывали прожекторы, и немцы время от времени, палили из пулемета.

Наша задача, задача связистов заключалась в том, чтобы обеспечивать связь: через каждые полчаса мы докладывали командованию о результатах поиска.

Был уже осмотрен каждый метр плотины. Провода не было. Теперь нам пришлось работать под самым носом фашистов на той стороне. В центре плотины было взорвано несколько быков, и через этот провал приходилось перебираться по веревочному «мостику». И так много ночей подряд: туда и обратно. Покривлю душой, если скажу, что было не страшно. Одна неловкое движение – один неосторожный шаг – и конец.

Возвращались мы под утро уставшие. Ловили на себе взгляды товарищей: «Ну как?. Мы отводили глаза...»

В конце декабря наконец-то взрывчатка была обнаружена. Провод мог быть только здесь. Стоя по грудь в воде, прощупывали сапогами каждый сантиметр пола. И вдруг в напряженной тишине кто-то приглушенно воскликнул: «Есть!».

Фронт пошел в наступление. Немецкого офицера, который лично отвечал за уничтожение плотины, взяли в плен. И он никак не мог понять, почему плотина цела: Ведь он сам включал рубильник!

Я рассказал только об одном из боев, который не стерли из памяти прошедшие годы. О других расскажу позднее.

Лисаковская новь №76 от 8 октября 1994 г.

15.Губин Сергей

«Мы отцов продолжение».

Сергей Губин, рассказал о том, как погиб Степан Мистрюков - «...Мы освобождали от немцев село Нагая в Орловской области. Бой шел за каждую улицу, за каждый дом. Перебегая от одного дома к другому, мы вдруг слышали стон. Это был один из наших солдат, раненый в живот. Он звал к себе, просил о помощи, но мы понимали, глядя на его разорванный живот, что жить ему осталось недолго. И все же Степан решил унести его с поля боя... Когда наступила передышка, я вернулся к тому месту, где оставил их. Степан не успел уйти со своей ношей: он »был смертельно ранен автоматной очередью. Погиб и тот, которого он спасал...».

Лисаковская Новь № 61 от 4 августа 1976 г.

16.Гутник Д.

Воспоминания Д. Гутника

Четырнадцатилетнего жителя Полтавщины Дмитрия Гутника (на снимке слева) разбудили новостью о том, что его отца нынешней ночью в неизвестном направлении увезли некие фашисты. В этот же день он увидел виновников бед как своих собственных, так и миллионов советских людей.

22 июня 1944 года. И хотя за время тягостно длинной Великой отечественной Дмитрию Гутнику удалось и повоевать, три года, проведенные в оккупации, он называет самыми страшными в своей жизни.

Там, как и везде, людей убивали. Причем не только физически, но и морально. Но у превращенных в одночасье в рабов возможности отпор дать не было.

И поэтому они вынуждены были подчиняться кнуту и автомату и работать на благо Германии. Тех, кто в силу своего возраста, как отец Дмитрия, пользы приносил немного, отправляли в концлагеря (Александра Гутника там и убили). Молодых, но строптивых либо расстреливали на месте, либо прилюдно вешали. Первых скидывали в общую специально вырытую для этого яму. Вторых использовали в качестве наглядного устрашения остальных. Одни выдерживали и работали. Другие переходили на сторону обидчика и помогали ему унижать своих же односельчан.

Это сегодня мы знаем, что та война все же закончилась победой советского народа. Тогда, в 1941-1942-ом, о ее исходе, а та же о ее продолжительности можно было лишь догадываться. И все же, живущие в неизвестности люди как могли сопротивлялись. Особенно тому, что было терпеть тяжелее всего – издевательствам бывших соседей, одноклассников. Дмитрию однажды довелось стать свидетелем расправы над одним таким новоиспеченным полицаем. Пленные работники того сахарного завода, на котором работал Дима Гутник, на его глазах убили избившего его надзирателя. А затем ночью сделали с ним то, что делали с другими объявившие себя хозяевами их земли фашисты. Повесили.

- Панического страха, - рассказывает Дмитрий Александрович, - от вида смерти люди уже не испытывали. К ней привыкали. Да, в основном, - признает ветеран, - людей переполняла злость.

Но она не мешала людям не замыкаться только на своем самосохранении. Мачехе Дмитрия удалось даже однажды спасти советского солдата. Через их деревню прогоняли колонну военнопленных. С криками «Это мой!» она кинулась незнакомцу на шею. Почему – то ее порыв фашисты восприняли с пониманием и позволили забрать «своего» домой. Так благодаря мачехе Дмитрия, остался живым чей-то отец, муж.

Повезло семье Гутник и тогда, когда удалось спрятать в кладовке корову. Некоторое время она спасала их от голода. Но таких маленьких (хотя тогда они казались большими) радостей все же было гораздо меньше, нежели бед. Когда фашисты решили, что дом отца Дмитрия подходит для расположения в нем радиостанции, семью выкинули на улицу.

Советские танки вошли в Полтаву в 1944 году. Убегая, немцы забирали с собой местных детей. Диме повезло – он успел спрятаться. Так он стал сыном, хорошим сыном, полка Советской Армии. Был десантником. Стрелял стоя на танке. Прикрывал пехоту. За небольшой срок службы Дима за храбрость был награжден Гвардейским значком. Но большей наградой было для него было осознание того, что он, семнадцатилетний новобранец, смог спасти свой экипаж. Он вытащил из горячего танка четырех раненых. Благодаря тому, что он успел их оттащить подальше от машины, которая спустя секунды взорвалась, трое из них остались живы. А потом, потом просто повезло. И Дима увидел одиноко движущуюся лошадку, запряженную в телегу. Испуганное животное, правда потеряла своего раненого пассажира. Дмитрий нашел его неподалеку и вместе с

танкистами довез его до госпиталя. Так Дима потерял свою часть, и попал в другую, стрелковую. С ней он и дошел до Румынии.

Когда в конце 1944 года западная пресса стала критиковать Советский Союз за то, что, выдохнувшись от войны, он давал в руки оружие и неопытным детям, и беспомощным старикам, Сталин издал указ о Демобилизации таких солдат, как Гутник. Дмитрия направили в Суворовское училище. К тому времени учебное заведение было переполнено, и его на полпути остановили. И он прибил к паровозной колонне особого резерва. Его назначили кочегаром. А шефство над ним попросили взять сопровождающую грузы кондуктора 19-летнюю девушку Веру. В 1946 году 3 июня в Катовицах молодые поженились. А в ноябре Вера Филипповна привезла мужа в Казахстан познакомить с родителями. Здесь у супругов Гутник родились четверо детей, и 13 внуков.

Желание созидать у перенесших разруху и войну людей было. И поэтому они, не долго думая, отправились на целину в Кустанайскую область.

Сегодня Вера Филипповна и Дмитрий Александрович живут в Лисаковске. Смеясь, супруги вспоминают первые дни их знакомства и со слезами – войну.

Лисаковская новь № 18 от 05 мая 2005 г.

17.Ержанов С.

Воспоминания Ержанова С.

- Такое имя как у меня, по всему Казахстану ищите – не найдете, говорит Семенбай Ержанович Ержанов.

И дальше следует рассказ о том, как появилось это имя. Семенбай Ержанович родился в деревне Симоновка Денисовского района (нынче на том месте Верхнетобольское водохранилище). А у отца Ержана был друг – Василий Рыбаков. Вот он и придумал новорожденному имя, которое прямо указывало на деревню, где мальчик родился – Семен. А к имени Семен, добавил Рыбаков, можно присоединить «бай». Так и родился Семенбай.

Жила семья Ержанова и в ауле Актюбе – на родине Беимбета Майлина. Именно Беимбет и организовал в ауле колхоз Джалшт-бедняк. После чего целые семьи снялись с места и ушли в Россию – не хотелось людям отдавать в колхоз свой скот. Среди переселенцев были и Ержановы. Хотя Семенбаю в то время не исполнилось еще и четырех лет, он помнит, как шел по степи целый караван.

В Киркирай (так называли тогда Казахстан) вернулись Ержановы только в 1937 году. Умер отец. Тридцатилетний Семенбай пошел работать – пахал землю. Пахал сначала на быках, потом выучился на тракториста. В 42-м году он лежал под трактором, менял картер. Подошел бригадир и сообщил: Семенбая призывают в армию.

И оказался Семенбай Ержанов в Новосибирске, в школе сержантского состава. Вместо шестимесячных курсов учеба растянулась почти на целый год – курсантов не спешили отправлять на фронт, потому что готовились к войне с Японией.

Но не случилось войны с Японией – и в 44 году командир снайперского взвода Ержанов вместе со своими товарищами по сержантской школе уже в Каунасе.

Там, в освобожденном Каунасе, еще не нюхавшие пороха солдаты понесли первые потери: за одну ночь кто-то «снял» из винтовки пять постов. Уже на фронте, во время авианалета погиб старшина Компаниец. Ержанов знал его еще по Новосибирску. Строгий был старшина, но курсанты его уважали.

На передовой Семенбай Ержанович пробыл недолго – месяца четыре. Выпускников школы сержантского состава отправили в тыл, в Прибалтику – воевать с «лесными братьями». Как выразился сам Семенбай Ержанович, в Прибалтике вспыхнуло восстание. Может быть, слишком сильно сказано? Ну, это как посмотреть. В свое время служил я в литовском городе Шяуляе. А рядом с нашей частью, огороженное лишь деревянным забором, было военное кладбище. И у многих погибших дата смерти была обозначена 1945-м годом. Время, когда Прибалтика уже была освобождена от фашистов. Про «лесных братьев» я, разумеется, слышал. Знал, что они совершали вылазки, стреляли, убивали. Но убивали ведь не в таком количестве!

Семенбай Ержанович все мои сомнения развеял – в Прибалтике шла настоящая война. Против советских солдат воевали не только литовцы, но и немцы, и «власовцы». Опытные вояки. Особенно сильно дрались «власовцы» - в плен они сдавались очень редко. У «лесных братьев» были автомобили и даже артиллерия. А у наших самое сильное оружие – РПД. Ручной пулемет Дегтярева. И приходилось брать числом, а не умением. И умирать. Во время одного боя полегло полроты, в которой служил Ержанов. Была у «лесных братьев» и хорошая разведка. Очень часто случалось: окружают солдаты дом, чтобы захватить бандитов, а там – пусто. Лает на цепи собака, печь еще теплая, но «братья» ушли. Бывало и хуже – советские солдаты попадали в засаду. И снова погибли...

До 1946 года воевал в Литве Ержанов. Там же вступил в партию – и до сих пор хранит партийный билет. «Это моя биография, и я не собираюсь от нее отказываться», говорит он.

В мае 1990 года Семенбай Ержанов был на параде Победы в Москве. Михаил Горбачев подарил ветерану часы. Ходят по сей день – без всякого ремонта. А в этом году предстоит новая поездка – в Астану. Двадцать ветеранов войны из Костанайской области пройдут по столичной площади. Среди них будет и житель Лисаковска Семенбай Ержанович Ержанов.

Лисаковская новь № 16 от 21 марта 2005 г.

18.Ермолаев Е.

«Навечно в памяти».

Это потом история называет битвы своими именами. Великими и торжественными. Так было и с битвой под Сталинградом, где мне пришлось начинать войну. Здесь были очень тяжелые бои, и мы, еще не опытные, сразу же после училища вступили в сражение. А потом Сталинградская битва стала известна всему миру.

Курская дуга, битва под Курском, для нас, солдат, так же была обычной. Мы еще не знали, что она станет переломной в ходе войны.

Здесь я воевал в качестве командира объединения пулеметной роты. Первого августа 1943 года после артподготовки начались очень тяжелые бои. Мы взяли одну высоту, заняли оборонительные позиции немцев. Минометный огонь противника накрывал все наши огневые точки. Не оставалось живого места на земле.

Чтобы нагляднее было видно насколько сильны были атаки я скажу, что из девяти пулеметных расчетов нашей роты остался только один – мой. Да и то нбе в полном составе. Наш пулемет раскалился от непрерывного огня. Вода в кожухе выкипела. Патроны кончились.

В один из дней я пошел на командный пункт за припасами. Вижу, в кустах стоит наша пушка – сорокапятка. И возле нее солдат. Спрашиваю его:

- Снаряды есть?

- Нет.

- Люди есть?

-Нет. Один остался.

И здесь я заметил, что недалеко двое немецких солдат перебежками передвигаются в нашу сторону. Видимо, разведчики.

- Винтовка есть? – спрашиваю.

Винтовка у него была. Мы распределили немцев между собой между собой и несколько раз выстрелили. Больше они уже не вставали.

Четыре дня мне довелось воевать под Курском. Четвертого августа меня ранило в ногу и я попал в госпиталь. А уже пятого августа, я узнал, что наши войска взяли Белгород, и Москва, столица нашей Родины, впервые салютовала в честь победы.

На всю жизнь запомнились мне бои под Курском. Много здесь я потерял своих друзей, однополчан. Сейчас, осмысливая те дни, я думаю, что мне повезло, что я выжил, вероятнее всего помогла учеба в училище. Я со своим расчетом постоянно после нескольких очередей менял позицию, маневрировал как учили нас. Потому что противник моментально накрывал своим огнем.

После госпиталя мне пришлось воевать почти во всей Европе. Прошел с боями в Югославию, Венгрию, Чехословакию, Румынию, закончил войну в Австрии.

Много было боев. И конечно же легких не было никогда. Но таких, какие были под Курском, не было. И они навсегда останутся в моей памяти.

В этом году мы отмечаем сорокалетие Курской битвы. Она явилась переломным моментом после Сталинградской во всей войне. Именно отсюда началось победоносное шествие нашей армии. Ия вспоминаю, как в том огненном сорок третьем году командиры в трудную минуту поддерживали нас. Воевали мы не за ордена и медали, а за победу. И все – таки я горжусь, что за эти бои награжден орденом Отечественной войны второй степени, медалью «За боевое отличие». А третьего августа 1943 года в подразделениях нашей дивизии политотдел распространил листовку, где было написано «Берите пример с пулеметного расчета старшего сержанта Ермолаева». Для меня и моих товарищей это была лучшая награда, и она прибавила нам сил.

Лисаковская новь № 44 от 15 июня 1983 г.

19.Жарков Н.

«Воскрешение из мёртвых».

Это было в конце апреля 1945 года во время ожесточённого боя за овладения г. Брно – крупного промышленного центра Чехословакии, важного узла дорог и мощного опорного пункта обороны немцев. Когда их выбили оттуда, и они стали отступать, наш штаб полка направил меня и Николая Храмова с донесением в штаб дивизии, который располагался на правом фланге. Мы выехали на верховых лошадях, проехали километров около пяти, попали в посадку виноградника, который только начал (далее текст не читаем, потёртость.) ехали мы до них метров двести – триста, как оттуда по нам открыли автоматный огонь. Наверное, оставшиеся при отступлении немцы. Сколько их было – неизвестно. Я ехал на лошади первым, и донесение было у меня, а Храмов – за мной. Я мгновенно спешился, он повернул назад и быстро ускакал в штаб полка, откуда мы выехали. И, как я узнал от Храмова позже, когда вернулся в штаб, он думал, что меня автоматной очередью убило и я упал с седла.. он так и доложил в штабе и меня уже внесли в список погибших. А в это время я вёл лошадь на поводу, уходя в сторону нашего штаба. При этом внимательно наблюдая за немцами, которые продолжали сопровождать меня выстрелами. Одна из автоматических очередей всё же попала в лошадь. Я оставил её, и, спрятав сумку с донесением под шинель, стал отходить. Оглянувшись, увидел двух человек, вышедших из – за домика и направлявшихся в мою сторону. Я решил припугнуть их и дать понять, что я вооружён автоматом и выпустил очередь в них. Один упал, а второй, пригнувшись, повернул назад к домику и скрылся. По винограднику и низинным местам я благополучно добрался до своих. Но там меня уже не ждали, а увидев, с радостью встретили: откуда ты взялся? Воскрес что ли? И посыпались вопросы и

расспросы. Я возвратил донесение в штаб и там уже на моих глазах вычеркнули мою фамилию из списка погибших.

За выполнение боевых заданий на фронтах Великой Отечественной войны я был награждён: двумя орденами Великой Отечественной войны 2 –й степени, четырьмя медалями «За отвагу», медалями: «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной 1941 – 1945 гг.» и десятью благодарностями Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

Лисаковская новь №19 от 11 марта 1995 г.

20.Жарков Н.

«В надежных руках».

В армию я ушел добровольцем, когда мне не исполнилось еще и 18-ти. Сначала был направлен на курсы связистов, а потом на передовую. Сколько боевых друзей потерял я на полях сражений. Трижды и меня считали погибшим. Так, однажды, в Румынии, заняли мы одно село. Четверо связистов, и я в том числе, ехали через виноградник. И вдруг – выстрелы. Один связист был убит, второго ранили, третий повернул к своим. А я упал на землю, притаился, а потом выследил все-таки того засевшего фашиста. Меня уже было занесли в списки погибших, представили к награде.

Родом я из Белоруссии. Но вместе со своими товарищами я защищал не только те места, в которых я родился. Всю нашу огромную страну освобождали мы от фашистской нечестии. И не только нашу. Мне довелось участвовать в освобождении Румынии, Польши, Чехословакии, Венгрии. До сих пор не могу без волнения вспоминать, как встречали нас, армию освободителей, народы этих стран.

8 мая, накануне победы, я участвовал в освобождении Праги. Наша славная Советской армия, победившая фашизм, и сегодня стоит на страже мира и свободы.

Лисаковская Новь № 15 от 23 февраля 1977 г.

21.Жданова М.

«Те памятные годы».

Много лет уже прошло, как отгремела война, но память не сглаживает раны, нанесенные ею. Я, как, наверное, и все женщины, пережившие те страшные, грозные годы, до сих пор не могу смотреть военные фильмы, слышать даже с экрана вой бомбёжки, грохот взрывов

А тогда, в памятном 1941, я, как и все люди, была занята мирным трудом. 4 июля 1941-го меня призвали в армию.

С начала войны наш хирургический передвижной полевой госпиталь был сформирован в Ленинграде. Там и начались для меня военные годы.

Закрепили нас за армией, которая защищала Ленинград. Находились мы на берегу Ладожского озера. Помню хорошо первые дни, когда только началась в городе эвакуация. Зима стояла суровая, морозы доходили до 30 – 40 градусов. Госпиталь пополнялся непрерывно, и были здесь не только раненые, но и те, кто погибал от голода. Медсёстры, санитары, как и врачи, сами страдали от голода, холода, но мужественно доставляли раненых, обмороженных, ослабевших бойцов и ленинградцев в госпиталь.

Дорогой жизни назван участок Ладожской магистрали, по которой непрерывным потоком днём и ночью шли автомашины с продовольствием, снаряжением для блокадного Ленинграда. А обратным рейсом эти же машины везли живой груз – раненых, больных, истощенных, детей. Голод всё больше давал о себе знать. Нас преследовал запах свежего хлеба. Мне, как многим тогда, даже не верилось, что придёт время, когда можно будет, как и до войны, досыта наестся хлебом.

А дорога жизни, наперекор всему, действовала. Около 60 километров в сорока градусный мороз по ледовой трассе двигались машины. Дорогу постоянно бомбили, обстреливали, часто машины уходили под лёд – и не только от обстрелов, а из-за торосов, образовавшихся на озере. Это была тоненькая нить, связывающая нас с блокадным Ленинградом.

В те суровые, мрачные дни я помню какой радостью стало для нас это событие. В 2 часа ночи мы получили почту и узнали, что в декабре советские войска под Москвой перешли в наступление. Тогда мы еще не думали, что эта битва под Москвой будет названа переломным моментом во всем ходе Великой Отечественной войны. Но одно то, что Москва выстояла, враг не прошёл, было для нас великим счастьем. Вселяло уверенность и мужество. В госпитале царил праздник. Все больные медицинский персонал плакали, смеялись, целовались. Позабыв какие сутки они не отдыхали, не ели. С удвоенной энергией принимали мы раненых и больных.

А бойцы, которых должны были эвакуировать, отказывались ехать в тыл.

Незабываемые те дни. А после прорыва блокады нас перебросили под Курск. Потом был Украина, Киев, Житомир, Одесса. Вместе с армией прошли мы Яссы, Румынию. День победы встретили в Вене.

Страшно было идти по бывшей в оккупации советской земле. Всюду развалины, высушенные горем лица, известия о фашистских зверствах, казалось невыносимых для человеческого сознания.

Помню деревушку недалеко от Киева. Название её так и осталось для нас неизвестным – здесь стояла только одна полуразбитая школа. Да ещё уцелела среди развалин русская печь. А на ней мы увидели восьмилетнего мальчугана, который

прижимал к груди котёнка. Это всё, что у него осталось. Отец – на фронте, мать угнали в Германию.

Когда начался здесь бой Коля (так его звали) с бабушкой спрятался в погребе. Озверевшие немцы уничтожили всё население, нашли и убили бабушку, а Колю не заметили - он спрятался за бочку. Мальчика мы забрали с собой, стал он сыном полка.

Это была самая большая боль – за детей, за то, что им пришлось пережить. Детские глаза, в которых не было детства, - такое никогда неизгладится из памяти.

Вот и под Одессой. Железная дорога Умань – Одесса. В одной из хат нашли женщину, с которой было не менее 30 ребятишек. А рассказала она следующее. Чувствуя приближение конца, фашисты озверели. Не щадили никого – ни стариков, ни детей, ни женщин. Взрослых – на виселицу, а детишек расстреливали и сбрасывали в колодец, к которому никого не допускали. Целую неделю стоял здесь стон обезумевших матерей. Часть ребят успела убежать в раkitник, кого смогла, спасала эта женщина.

И сейчас, когда на Западе опять сгущаются тучи, не я одна, все советские люди ратуют за то, что бы предотвратить гонку вооружений, остановить грозящую всему человечеству опасность. Нельзя, не должно быть новой войны. Мы не допустим этого.

Лисаковская новь № 95 от 14 декабря 1984 г.

22. Жукова В.

Воспоминания Жуковой В.

С сентября 41-го начались регулярные бомбежки города. Ленинград на глазах превращался в руины. Вокруг погибшие, раненые. Для юной Вали Жуковой, окончившей к тому времени семь классов, новый учебный год так и не начался. Все школы отдали под госпитали. Установили продуктовый паек 250 граммов хлеба в день работающим и 150 – иждивенцам. Врезалась в память дата – 2 декабря 1941 года. В этот день немцы особенно яростно бомбили их улицу – Большую Пороховскую. Одна из бомб прямым попаданием снесла половину их дома. Валя с больной матерью находилась в другой. Дальше как в тумане – мать, прижимающая ее к себе и обхватившая голову дочери. Позже – «скорая», увозящая маму в госпиталь – осколками ей сильно посекло руку. Сама Валя, растерянная и окровавленная – получила два осколочных (к счастью не уместных) ранения в руку и голову. Такой ее вскоре нашел отец, служивший неподалеку от дома в войсках противовоздушной обороны. Едва осознав, что бомбят его улицу, сквозь искореженный металл и глубокие воронки он стал пробираться к родному очагу. Но как человек военнообязанный не смог остаться с дочерью. Вале пришлось самой искать жилье. Временно ее с матерью приютили знакомые.

Фашисты планомерно уничтожали город. После нескольких месяцев бомбежек, к зиме в ход пошли «фугаски» с зажигательной смесью, и начались артобстрелы. На крышах домов были установлены дежурства – нужно было своевременно потушить

«зажигалку». На стенах домов появились предупреждающие надписи: «Эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле».

Не раз Вале приходилось бежать в бомбоубежище по такой улице.

Разруха, голод, холод. Трамваи не ходили. Электричества не было. Воду носили из Невы. Дома отапливались «буржуйками». В ход шло все, что могло гореть, - книги, мебель... В это время Валя с матерью жили на новом месте, в крохотной комнатке, куда вскоре переехала и бабушка Вали. На печке они готовили «еду»: пекли травяные лепешки, обмакивая каждую (за неимением масла) в олифу. Сгорая, олифа сильно дымила. Но все же это было хоть какое-то подспорье, ведь все трое считались иждивенками. Пережить зиму и не умереть от голода помогли чудом уцелевшие вещи – приданное Вали. Все обменяли на еду.

Особенно трудной была весна 42-го. Тяжело больная мать уже не вставала с постели. Вообще все старались побольше лежать. Надев на себя ворох всяких вещей, вставали в случае крайней необходимости экономя силы и кое-какое тепло.

День 30 марта словно впечатался в девичью память. Проснувшись утром, Валя увидела, как с бездыханного тела бабушки сползли на постель, а затем и на пол невероятно крупные белые вши. Она даже не подозревала об их существовании. И в ужасе стала давить их ногами. По велению мамы она, собравшись с силами, пошла за помощью к отцу. Но его непустили. На следующий день умерла мама. И на этот раз отец не смог уйти с поста. Валя так и оставила тела родных на их постелях. Сама легла рядом на свою кровать...

Отца отпустили домой лишь 7 апреля. Холод был союзником, он не давал трупам разлагаться. Вместе с отцом поочередно на саночках отвезли тела на кладбище. По пути попадались медленно идущие по своим делам люди. Обессиленные, они падали прямо на дороге. Понимая, что они уже мертвы, приходилось перешагивать прямо через покойников. Потом их собирали специальные похоронные команды. Мертвецов не успевали хоронить и складывали на кладбище штабелями. Рыли огромные траншеи и закапывали в этих братских могилах. Надгробных надписей тоже не было. Лишь год захоронения: 1941, 1942, 1943-й...

Валентина Ивановна и по сей день не знает точного места захоронения своих родных. Как и неизвестна ей могила брата, умершего предположительно от дистрофии в 42-м под Ленинградом, находясь на учебу в разведшколе.

Бывая в городе-герое, Валентина Ивановна обязательно оставляет живые цветы на обелиске Памяти на братском кладбище. В память о погибших в блокаду ее родных, близких, друзьях. Из всех тогда выжить удалось лишь ей и отцу.

Помнит Валентина Ивановна и как весной того же 42-го в городе для детей организовывали весенне-летнюю школу, где давали паек: соевый суп или кашу из сои, а утром стакан сладкого чая, пятьдесят граммов хлеба и десять граммов сливочного масла. Чтобы утолить голод, этого было явно недостаточно. Но если учесть, что ели лебеду, вьющуюся «поросычью травку» и корень лопуха (варенный он напоминал картошку), то

это уже была настоящая еда. Голод и обстрелы изводили людей, и еще вопрос, где было легче – на фронте или в городе. Армию хотя бы кормили...

Каждый клочок земли, вспаханный снарядами, старались засадить картофельными очистками, чтобы снять хоть какой то урожай.

Есть хотелось всегда. Валя бегала к отцу и ела с ним из его тарелки в солдатской столовой. Поддерживать силы помогал и школьный паек. Она помнит, как голод затуманил мозг, не давал здраво мыслить. Видимо помутился разум и у их школьного учителя, очень образованного и культурного человека, когда на столе он увидел стакан чая с кусочком хлеба – паек замешкавшегося ученика. На глазах у изумленных учеников учитель мгновенно проглотил хлеб. Через несколько дней он умер от истощения.

Чувство голода не покидало Валентину Ивановну еще года два после окончания войны...

Ленинград (ныне Санкт-Петербург) для Валентины Ивановны – святыня, истинно героический город. Не по зубам оказалось врагу сломить истинных ленинградцев. А потому очень обидно ей, что в совете ветеранов Лисаковска на вопрос, каким образом будет отмечена великая дата – день снятия блокады, ей ответили: «Подумаешь, Ленинград...».

Лисаковская новь № 5 от 03 февраля 2005 г.

23. Загороднюк П.

«В памяти навечно».

Мне было семнадцать лет, когда Тарановским военкоматом был призван в армию. Вначале был отправлен в 33 учебный полк, который находился в Тюмени. Через полгода, получив звание сержанта, я начал воевать в качестве командира отделения в 183 Харьковской дивизии.

Шли бои за освобождение Украины. Мне довелось участвовать в боях за освобождение Житомира. Перед наступлением была проведена артподготовка. Как потом писали и говорили, это была самая мощная с начала войны. И действительно, когда мы взяли передовые окопы немцев, они были оглушены, ошарашены. Их брали в плен, а они, как контуженные, ничего не понимали.

В боях под Житомиром меня первый раз ранило. Я увидел, что наш пулеметный расчет замолчал. Пулеметчиков убил немецкий снайпер. Я с противотанковым ружьем пополз к пулемету. И видимо тот же снайпер попал и в меня. Я был ранен разрывной пулей в живот. И вот я лежу весь в крови. Ватные брюки, валенки – все насквозь промокло кровью. Слышу как наши бойцы вышли в атаку. Слышу их крики «ура». На следующий день Житомир был освобожден нашими войсками, а я попал в госпиталь под Курском. Это было 19 ноября 1943года.

В госпитале я пролежал месяца два. Затем госпиталь стал переезжать ближе к фронту, ведь фронт все время удалялся на запад. Несколько человек выздоравливающих. В том числе и я, были назначены охранять эшелон. Так, вместе с госпиталем и с оружием в руках я попал в Карпаты. Здесь меня назначили заместителем командира взвода.

Здесь, в Карпатах, и закончилась для меня война. Я был ранен второй раз.

Семь месяцев пробыл в госпитале и был демобилизован. Начал воевать за освобождение Украины, и закончил.

Вернулся в Прохоровку в колхоз «Трудовое поле». Для нас, инвалидов войны, Тарановский райсобес организовал курсы бухгалтеров. Окончил их и с тех пор работаю бухгалтером.

Вспоминая сейчас те военные годы, с особым чувством думаю об Украине. Освобождая Украинские сёла и города, видел, какие разрушения сделали враги. И только в памяти хранится облик той Украины, за которую пришлось воевать.

Лисаковская новь №100 от 25декабря 1981 г.

24.Зинченко И.

«Разведка боем».

Иван Павлович Зинченко- 1944 год.В трех километрах от Витебска, темной весенней ночью мы лежали, затаив дыхание, у проволочного заграждения немецкой обороны, приготовились выполнить боевой приказ.Заработала наша артиллерия , по немецкой линии, ударили снаряды. В один миг мы оказались в светлой, как в солнечный день, полосе.Воспользовавшись10 –тип минутной суматохой, наши ребята разведали боевые укрепления противника, захватили двух «языков» и стали отходить к своим траншеям. Только теперь фашисты заметили нас , осветили и обстреляли из минометов.Тяжелое ранение в голову получил и я, потерял сознание. Но мой боевой друг старший сержант Мартемьянов вынес меня к нашим траншеям и прередал сакнитарам , санбата. Боевое задание командира дивизии выполнено.Это было очень ответственное задание.Шесть разведчиков награждены орденами.Я получил орден Боевого Красного Знамени.Больше я в свою прославленную дивизию я не вернулся и только, находясь на излечении в лучшем специализированном госпитале в Москве, я слышал и видел , как Москва салютировала прославленной 262-й Демидовской ордена Ленина и ордена

Суворова стрелковая дивизии, освободившей Витебск и взявший Кенигсберг, и , радовался, что в этом есть и малая, но моя заслуга.

Лисаковская новь №37 от 8 мая 1970 г.

25.Зинченко Л.

«Разведка боем».

Лидия Сергеевна Зинченко-У меня перед глазами образ моей матери, проводившей на фронт пятерых солдат и недождавшийся назад мужа и сына. Она остается с четырьмя малыми ребятами на руках, самому старшему из них исполнилось 12 лет. Несмотря на это, когда станицу заняли немцы, она послала его в лес охранять колхозный скот, Братишка мой пробыл в лесу полгода, и когда станицу освободили части Советской Армии, скот был возвращен колхозу в целостности и в сохранности, а братишке вручили медаль «За трудовую доблесть в годы Великой Отечественной войны». Мне же с воинскими частями пришлось пройти от Кавказа через Украину, Польшу до самой Германии. Нам, солдатам, было трудно, но и тем, кто оставался в тылу, не легче.

Лисаковская новь №37 от 8 мая 1970 г.

26.Зубарев Н.

Воспоминания Зубарева Н.

9 мая 1941 года – День победы, день всенародной гордости и всенародной скорби, день окончания страшной, безверной жестокой войны.

В ней принимал участие и Николай Макарович Забуга – человек трудной, но интересной судьбы. Родился он в Верненском районе Челябинской области. В тринадцать лет остался сиротой. Спустя некоторое время окончил Верхне-Уральскую школу механизации и Магнитагорскую школу электросварщиков, после чего пошел работать по профессии.

Молодого парня ценили. Даже когда пришло время призыва, ему трижды давали бронь как высококвалифицированному специалисту. И только в Январе 1944-го Николая Макаровича отправили в танковую школу в Нижнем Тагиле. Спустя шесть месяцев он был зачислен в действующий 14 танковый полк, знаменитую 4 гвардейскую Кантемировскую дивизию механиком водителем.

Прослужил на танке Т-34 ЗИС 85, у которого ствол длиной 5 м, диаметр снаряда 85мм, дальность осколочных снарядов до 16 км, бронебойных 2-3 км, три года. Участвовал в боях за освобождение от фашистов Польши, Чехословакии и Германии.

Для Николая Макаровича январь 45-го был месяцем самых грозных испытаний. Именно тогда советские войска перешли в наступление, и именно тогда проводилась операция на Сандомирском плацдарме. В ней было задействовано около двух с половиной тысяч единиц техник. Велась непрерывная трехчасовая артподготовка. Проходили по 70-80 км в сутки. Обход Кракова остался незамеченным фашистами. Наших они встретили у р.Висла. Много тогда погибло людей, много сгорело танков. Мало оставалось танкистов, поэтому проводилась переукомплектовка и переформировка бригад. И вновь продолжается бой!

На танках 14-го полка была эмблема – два дубовых листа. Фашисты часто говорили: «Кантемировцы появились!»

Когда форсировали реку Одер, натолкнулись на то, что мосты были взорваны. Саперы сконструировали плоты, благодаря которым удалось переправить три танка. Вес танков (40 тонн) и бомбежка немецкой авиации не дали возможность перебросить все орудия. Дальше хода не было. Заняли оборону. Экипаж в составе пяти человек, отрезанный от части, за одну ночь выкопал окоп, да так, чтобы только ствол проходил по горизонту. Утром пришло пополнение, и снова в бой!

Обстреливал и занимал Николай Макарович аэродром. На нем были самолеты, но не было топлива. Летный состав держал плотную оборону. Бой продолжался всю ночь. Но противник был сломлен. Именно тогда кричали: «Ура! За Родину! За Сталина! «Сейчас, - сказал Николай Макарович, - как мне кажется, вряд ли кто сможет так мужественно и с таким чувством патриотизма кинуться в бой».

В апреле 1945 года в г.Торгау произошло соединение с союзниками.

Здесь фронт разделили на два направления: Берлин и Дрезден Николай Забуга двинулся в сторону второго, через Альпы. Когда вошли в Прагу, то жители начали забрасывать их цветами; везде развевались флаги.

Но единожды танк Николая Забуги подбивали, но судьба дарила снова и снова ему жизнь. О 14 танковом полке Френкель напишет.

Прощайте, стены броневые,

Прощайте, щели смотровые,

Прощайте, пушка, пулемет –

Танкист окончил свой поход.

Жену обнимет, коль женатый,

Коль холостой – невесту сватай.

Кто сам горел, кто жег врага,

Тому и ласка дорога.

*Но в мире ласки и покоя
Он будет помнить годы боя,
Минуту грозную свою.
И кантемировцев семью.*

Спустя два года после окончания войны Николай Макарович встречается Елизавету Ивановну, с которой они прожили 54 года. Душа в душу, помогая друг другу.

В беседе Елизавета Ивановна часто подхватывала разговор и помогала своему дедушке, как она его называет, вспомнить те далекие сороковые годы. У них сын, три внука и правнучка. Один сын (их вообще двое) в 1992 г. погиб.

Николай Забуга четыре раза принимал участие в параде на красной площади, проходили ежедневные тренировки перед майским великим днем.

Николай Макарович награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За освобождение Праги» и «За победу над Германией» и плюс к ним еще 13 орденов и юбилейных медалей.

Не дают забывать о войне и ранения (особенно те, что получил 5 марта 1945 года). Уже удалено несколько осколков и еще осталось около девяти. Хотели оформить инвалидность, но ... этого недостаточно.

Несмотря на все, что пережито, Николай Макарович Забуга продолжает трудиться: помог сделать детскую площадку во дворе, в котором уже прожил 12 лет а в самом Лисаковске – 25 лет.

Лисаковская новь №18 от 4 мая 2001 г.

27.Кабанов С.

«Путь, длиною в 5 лет».

С.Кабанов (капитан запаса)- 22 июня 1941 года. В то далекий но очень запомнившийся день многие надолго потеряли способность улыбаться, Каждый понимал, что над нашей прекрасной Родиной нависла грозная опасность, В дом наш(а дом это вся многонациональная республика Советов) , пришло суровое испытание.

Радио приносило неутешительные вести, и трудно, очень трудно было ждать тем, кого оставили на своих рабочих местах, повестки. Многие приходили в райвоенкоматы, просились на фронт добровольно.

Мое место было тоже там, где с фашисткой ордой сражались мои друзья , односельчане, коллеги по школе...

В сентябре 1941г. После окончания командирских я был направлен в 145 танковую бригаду генерал – майора Ремезова. И сразу в бой . Враг был в полусотне верст от Москвы. Как саранча, вал за валом накатывались грязно – зеленые толпы и отходили назад, не в силах преодолеть огненный рубеж. Воочию мне пришлось увидеть гнев солдатский под Звенигородом. Случай, в котором раскрылся весь характер нашей армии от солдата и генерала, запомнился на всю жизнь...

Фашисты захватили деревню в километрах 18 от города. Всех: взрослых и детей, стариков и женщин, загнали в церковь и потом взорвали ее. Произошло это почти на наших глазах. Приказ командирования идти вперед был приказом наших сердец. Фашисты были буквально сметаны гневом, нашим порывом.

И вот теперь двадцать четыре года спустя, оглядываясь назад, все яснее и яснее встает перед глазами страна тех дней , старана воин. Пять лет стали для нас десятилетиями: каждый год вписан в историю, кровью миллионов погибших потом миллионов , оставшихся в живых, слезами матерей, жен и невест.

Весной 1945 помню... Перед нашей 64-ой стрелковой дивизией была поставлена задача взять город Франкфурт – на- Одере. На подступах к нему завязались ожесточенные бои. Только одну деревню наш полк в течении суток брал 11 раз. Чувствуя конец , враги оборонялись крепко. После боя нас осталось всего 726 из 1646, вступивших в схватку.

Лисаковская Новь №21 от 9 мая 1969 г.

28.Канафин К.

«Огненная карусель».

В школьные годы Каримжан представлял себе войну такой, какой увидел ее в фильме «Чапаев»: верхом на коне и с шашкой наголо, лязгом пулеметных тачанок. В то время весь его родной аул Кызыл-Жар смотрел эту захватывающую киноленту.

В грозном сорок третьем воздушный стрелок Каримжан Канафин впервые наяву увидел войну из кабины своего штурмовика «ИЛ-2», попав в составе 949-го штурмового авиаполка на III Белорусский фронт. Он стал участником многих ожесточенных боев. На его счету сто тридцать два боевых вылета. Первое задание. Первое задание и сразу боевое крещение. Маневрируя под прицельным огнем вражеских зениток, им удалось собрать ценные разведданные и невредимыми вернуться на родной и невредимыми вернуться на родной аэродром. Но погиб командир их полка, майор Лукашов. Смертельно раненный, он сумел посадить боевую машину. Истекая кровью, он написал на щитке приборов: «Умирая за родину... Смерть немецким оккупантам!»

С жаждой мщения эскадрилья штурмовиков вылетела на очередное боевое задание. Удачно отбомбили вражеские позиции. Но на очередном заходе вдруг где-то внизу «залаляли» немецкие зенитки, тут же послышались «хлопки» - разрывы снарядов. По плоскостям и фюзеляжу забарабанили осколки. Дюжина стервятников с крестами

устремилась в атаку. - Держись, браток! – голос друга, штурмана Ивана Бойко, подбадривал Каримжана. Вот один из «мессершмитов» уже совсем рядом. Стрелок нажал на гашетку. «Мессер» прочертил небо черным шлейфом дыма.

- Есть один! – отметил про себя Каримжан, но уже через считанные секунды последовала повторная атака фашистского воронья. И закружилась в небе огненная карусель. Канафин выпустил по очередному «Мессеру» лавину огня, но и сам попал под удар. Пулемет заклинило. Повторный удар. Их самолет резко тряхнуло, завалило в глубокий вираж. Вдруг - резкая боль в плече, головокружение. «Ранен», понял Каримжан.

Языки пламени уже касались кабины, а штурман все вел и вел горящую машину. Он понимал: до своих не дотянуть, и пытался подобраться как можно ближе к лесу. Первым пришел в себя Бойко и тут же стал вытаскивать из горящего штурмовика Каримжана. Укрывшись в лесу, осторожно стали пробираться к линии фронта. Только на третьи сутки, измученные и обессиленные, попали боевые друзья в родной полк...

Канафин громил врага на земле и в небе Смоленщины и Белоруссии, Прибалтики и Восточной Пруссии. Был дважды ранен. Война для него закончилась 9 мая 1945 года. На его парадном мундире красовались заслуженные боевые награды: ордена и медали за проявленное мужество, отвагу и особую стойкость в боях за Родину.

Уже в мирное время Каримжан Канафин помог родным Ивана Бойко разыскать могилу своего верного друга.

Четверть века отработал бухгалтером в совхозе Покровский. В конце девяностых перебрался с семьей в Лисаковск. У него восемь детей и двадцать один внук!

С нетерпением ожидает ветеран великий праздник – День Победы.

Лисаковская новь №8 от 24 февраля 2005 г.

29.Карпова М.

«Видели в нас друзей».

Война началась для меня в 19 лет. 22 июня я с девчонками была на Маевке в соседнем колхозе, а когда вернулись в Полтавку, ныне Карталы, почувствовали, что – то произошло. На вокзале много военных, женщины утирают слезы. И страшное известие – фашистская Германия напала на Советский Союз, бои уже идут, немецкие самолеты бомбят города и села. Решение идти на фронт появилось, как только пришла домой. Меня отговаривали, говорили: «Война - не женское дело». Но я рвалась на фронт многие подруги ушли добровольцами, а мои рапорты отклонялись. И в 1942 году принесли мне повестку. Два месяца меня и сотни таких же девятнадцатилетних девчат обучали на зенитчиц, затем отправили на фронт. До передовой было еще далеко, но мы почувствовали, что враг не останавливается, ни перед чем, когда наш эшелон остановился на станции Шепетовка. Фактически там ничего не было: ни станции, ни Шепетовки.

Торчали обгорелые стены домов, печные трубы. Я хорошо помню как 30 апреля 1943 года под городом Ровно наши девушки-зенитчицы получили первое боевое крещение. Всю ночь немцы бомбили Ровно, и мы отбивали атаки немецких самолетов.

Врезался в память случай, происшедший весной 1944 года в Польше, на реке Висла. Была весна, начался весенний паводок и вода, разрушая все на своем пути, снесла наши землянки, затопила зенитки. Наша батарея оказалась отрезанной от всех. Население польской деревни помогало нам.

Всюду Красную Армию встречали по-разному, но было одно общее – румыны, поляки, чехи видели в нас друзей и освободителей от фашистского ига.

Лисаковская новь №15 от 23 февраля 1977 г.

30.Каткова М.

«Уходила на фронт девчонка».

Войну заканчивала старшим сержантом. Последний год командовала отделением 45- миллиметровой зенитной пушки. Одиннадцать парней было в нем. «Тогда мне уже двадцать первый год пошел», - поясняет Мария Ивановна.

А уходила на фронт в восемнадцать. Когда началась война не помню, что бы возникла паника или было очень страшно. Мне и моим подругам казалось, что она быстро кончиться. А 8 июля 1941 года меня вызвали в райком комсомола и вручили повестку в военкомат – по специальности я была связисткой. Поплакала с подругой, а вечером, не попрощавшись с родителями - жили они в деревне - пришла в военкомат.

Месяц в Челябинске, и – на фронт. Была связистом - разведчиком на Северо - Западном фронте. Прокладывали связь на самой передовой. Как- то в феврале 1942 года под городом Юхновым искали обрыв на линии связи. На задании нас было четверо. Разорвавшимся снарядом двоих убило, а двоих в том числе и ее, нашли- в воронке идущие за ними разведчики. Контузило, госпиталь. И снова на фронт. Направили в зенитную артиллерию. В самое пекло попадала.

А сколько сил прибавлялось каждый раз когда смотрела вслед вражеским самолетам, так и не прорвавшимся к Москве, к складам боеприпасов, к переправе через Вислу... На орудии ее отделения горели 9 звездочек- по звездочке за каждый сбитый самолет. В армии стала коммунистом. Не забудется встреча с Рокоссовским. Знаменитый командующий фронтом выступал на собрании перед бойцами. И на войне были радости. Встретилась как то с двумя девушками – своими землячками. Из одного района. И хотя незнакомы были раньше, словно теплом родного дома, мирной жизни повеяло от этой встречи. Воевали три подруги вместе с 1942 года и до конца войны. Крепка фронтовая дружба.

Дивизион стоял в Калининграде. Известия о победе уже ждали. Хотя и трудно было поверить, что вот - вот наступит долгожданный мир. Утро выдалось солнечное, жаркое, радостное. И вот по радио объявили – война закончена. Трудно передать ту безудержную радость - объятия, крики «ура», ликующие лица.

...28 июля 1945 года вернулись домой, в свою Курганскую область. На вокзале встретил отец. Сели в телегу и поехали к ним в деревню. У дома стояла толпа женщин – пришли посмотреть на девушек, вернувшихся с войны. Качали головами, вздыхали, украдкой вытирали слезы.

Лисаковская новь № 15 от 22 февраля 1977 г.

31.Кожевников М.

«Возвращаясь к героическим дням».

Когда началась война, я учился в военно-медицинском училище. После его окончания мне было присвоено звание лейтенанта, и я попал на фронт.

В составе 64 армии воевал на Сталинградском фронте. Наша бригада наступала с юга со стороны Бекетовки. Я был назначен командиром взвода.

То время обороны Сталинграда, а потом и наступления вспоминать очень тяжело.

С раннего утра и до позднего вечера бомбили нас фашисты.

Бесчисленное множество налетов совершалось в день. Ночью, как чуть поутихнет, мы «выбиваем» занятые немцами дома. Бывало один и тот же дом в течении суток несколько раз переходил из рук в руки.

В ноябре 1942 года стояли крепкие морозы. Рядом со мной воевали сибиряки, украинцы, люди, привыкшие к холоду, да еще нас согревала горячая мысль о том, что Сталинград мы должны отстоять во, чтобы то ни стало.

В одну из морозных ноябрьских ночей меня и ещё несколько человек из моего взвода направили в разведку. Остановились мы, послали вперед двух человек. Они не вернулись. Ещё двое пошли – одного из них убило, другого – ранило. Тогда я за себя оставил связного и вдвоем мы прошли линию. В деревне, занятой немцами, без шума захватили дом, в нем немецкого офицера и связного и вернулись к себе уже с «языками». За это и другие действия на Сталинградском фронте, я был награжден орденом Красной звезды.

Много моих хороших друзей осталось в Сталинграде. В ту памятную разведку ходил со мной Павел Мельников, с ним позже воевали мы под Харьковом, но до победы он не дожил. Из тех, кто начинал со мной воевать на Сталинградском фронте. К концу войны остался один Борис Сисько из-под Полтавы. С ним мы не теряли связь и после войны. Сейчас и его уже нет в живых.

Двадцать лет спустя после войны произошла у меня встреча с однополчанином. Вместе отдыхали в одной санатории. Нашей радости и разговорам – воспоминаниям не было конца...

После Сталинграда воевал я на Орловско – Курской дуге, освобождал Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию, несколько раз был ранен. Под Харьковом наградили меня вторым орденом Красной Звезды, за форсирование Северного Донца – медалью «За отвагу».

Многое уже забылось из тех военных событий. Но основное память хранит – то чувство, с которым тогда боролись с врагом и думали: наша Родина была и будет свободной, кто придет к нам с мечем, тот от него и погибнет; и стоят в глазах «завоеватели», сдавшиеся той суровой зимой в плен, с опущенными головами.

Лисаковская новь № 90 от 24 ноября 1982 г.

32.Кудрявцев Т.

«Мосты мужества».

Тимофей Иванович Кудрявцев - здание сельской школы, в которой находился штаб танкового батальона немцев, вспыхнуло как- то разом. Из окон выпрыгивали перепуганные на смерть офицеры и тут же замертво тыкались в сугроб от автоматных очередей рядового Алексея Черницына и замполита Тимофея Кудрявцева.

-Пора отходить, - приказал замполит, - и двое храбрецов заторопились к ближайшему перелеску. С северной стороны деревни доносились звуки жаркого боя.

Это отвлекающая группа ввязалась в схватку, что бы обеспечить успех операции. Позже Тимофей Кудрявцев узнает, что почти вся группа погибла. Но и двум храбрецам нет спасения-немцы, успели перекрыть им путь к лесу. Тогда они повернули к реке, и там, в глубоком рыхлом снегу их настигли овчарки. Ключьями полетела одежда, звериный рык и человеческие голоса слились воедино...

Допрашивал Тимофея Кудрявцева обер - лейтенант. Собственно, допроса как токового не получилось. Были вопросы, на которые не следовало ответов. Тогда разъяренный офицер выхватил пистолет и тяжело, наотмашь, ударил им по лицу. Потерял сознание. А через двое суток их повели по Спасс - Деминску под усиленным конвоем. В колонне Алексей Черницын оказался рядом с Тимофеем. Они переглянулись, и солдат понял намерение замполита: лучше смерть, чем плен. Когда колонна проходила мимо разбитых железнодорожных составов, они бросились под пролет моста. Конвоиры открыли отчаянно пальбу, но преследовать далеко не стали, боясь очевидно, что разбегутся остальные. Четырнадцать суток пробирались они к своим и, доложив о выполнении задания, рухнул, изнеможенный и обессиленный от пережитого. После контузии, которую он получил после бомбежки во время наведения переправы через реку Ургу, командование сочло нужным откомандировать его на тыловые работы.

Лисаковская новь № 16 от 24 февраля 1971 г.

33.Кузнецов В.

«В кругу однополчан».

35 лет назад советские войска разбили гитлеровцев на Курской дуге. Советская армия к осени 1943 года подошла к Днепру. Гитлеровское командование раструблило на весь мир, что Восточный вал (река Днепр) нашей армии не преодолеть. В сентябре 1943 г. Был дан приказ выбросить в тыл фашистских войск. Две воздушно – десантные бригады (№3 и №5), для захвата и создания плацдарма на правом берегу реки Днепра. В течении двух месяцев отважно дрались десантники вместе с партизанами в тылу врага. В результате тяжелых боев был образован Свибловский (у города Черкассы) плацдарм, куда начала переправляться 254 дивизия Коротева. А затем советские войска приступили к освобождению правобережной Украины.

В этих боях принимал участие и я – в составе пятой гвардейской бригады. Там был тяжело ранен.

Лисаковская новь №39 от 26 мая 1978 г.

34.Кулаков П.

«Година испытаний».

Это было весной в боях на Украине. Артиллерийский полк, в котором я служил, понес большие потери и был выведен на отдых, а также для пополнения. Наша батарея получила самая первая с уральских заводов новёхонькие 76-миллиметровые пушки с удлиненными стволами. Но недолго прослужили нам новые орудия.

Рано утром подняли батарею по тревоге. Поступил приказ – занять оборону у деревне Александровка. Остальные будут прибывать следом.

Не успели мы окопаться на новом месте, как послышался грозный гул моторов. Танки идут. Но чьи?!

Только успела батарея рассредоточить орудия, как на бугре показались быстроходные машины. Фашисты! Они шли с открытыми люками, ничуть не опасаясь, по нашей, советской земле. Это потом мы поняли, что, вероятно, немецкая разведка проскочила вперед, и мы встали между нею и танковой колонной. Батарея оказалась как бы на острие вражеской колонны.

Раздумывать было некогда. Первыми же выстрелами наши артиллеристы подожгли две машины. Люки моментально захлопнулись, танки стали расползаться в боевой порядок.

Немцы начали осторожно обходить дорогу. Вот вспыхнуло два вражеских танка.

Однако они быстро сообразили, что здесь всего одна батарея. На нас обрушился шквал огня. Били осколочными снарядами. Невозможно поднять головы. Стали падать

первые убитые. Вот замолчало одно орудие – расчет полностью погиб. К нему кинулись комбат и политрук. Только успели зарядить оба сползли на землю, скошенные осколками снаряда. И, тем не менее, комбат успел сделать выстрел – подбит еще один танк.

Взрывной волной меня отбросило от орудия, режущая боль пронзила ногу. Но я еще видел - одно из наших орудий продолжает стрелять. У прицела командир расчета Володя Попов.

А дальше события разворачивались стремительно. Прямо к Володе направился немецкий танк. Он был в нескольких десятках метров, когда Попов в упор выстрелил. Поврежденный танк проскочил по инерции вперед, раздавил орудие, прошел ещё несколько метров и остановился. В нем стали рваться снаряды. Взрывом боеприпасов сорвало башню.

Володя Попов уничтожил выстрелом в упор немецкий танк, но не успел сам отскочить, и одна из гусениц прошлась по его ногам, по колено, вдавив их в землю.

Тут я потерял сознание, а когда очнулся - мимо раздавленной уничтоженной батареи шли фашистские танки с пехотой позади. От колонны отделился бронетранспортер под охраной мотоциклистов и подкатил к танку, подбитому Володей Поповым. Из машины вышел немецкий генерал, подошел к танку, долго его осматривал.

Потом подошёл к нашему раздавленному орудию и увидел Попова. В полубессознательном состоянии тот приподнялся на ногтях и просил, чтобы помогли ему освободить ноги. Он ещё не понял что ног – то у него нет, они раздавлены. Генерал долго смотрел на Володю. Что – то говорил ему, показывая на орудие – и на танк. Потом вынул маленький пистолет и, наставив его на Попова, сказал: «Иван, капут?». Наверное спрашивал – что, мол, пристрелить тебя. Володя обескровленными губами прошептал, качая головой: «Нет!» генерал опять долго смотрел на этого простого русского солдата и, наверное, пытался понять душу этого человека. Перед ним лежала раздавленная, Небольшая по сравнению с колонной, батарея, уничтожившая семь его боевых машин.

И лежал упрямый русский, который был обречён на смерть и не хотел умирать. Который против всякого разума немецкого сознательно шел на гибель, подбив прямо идущий на него танк, зная, что колонну ему одному всё равно не остановить. Нет, не дано было фашистам постичь русский, советский характер.

А до Победы было ещё три года. Стоял 1942г. самый тяжелый год Великой Отечественной...

Лисаковская новь №5 от 18 января 1985 г.

35. Курочкин И.

«Фронтовые дороги, тыловые тревоги».

Повестка на фронт настигла Ивана Андреевича Курочкина в учительском институте, где он учился на втором курсе исторического факультета в г. Котельнич Кировской области. В это время студент Курочкин сдавал сессию. Успешно одолев экзамены, в августе 1941 года он направляется на облучение в авиашколу, где готовили летчиков-истребителей и бомбардировщиков, затем было Златоуовское военно-инженерное училище, закончить которое удалось уже в Иркутске. С 1943 по 1945 Иван Андреевич прошел боевой путь в составе третьего Сталинградского механизированного корпуса. С гордостью говорит об этом ветеран. Рожденный на Волге, корпус этот пронес со славой свое гвардейское знамя. Оно и поныне хранится в центральном музее Вооруженных Сил СССР.

В наших краях Иван Андреевич Курочкин с 1969 года. И все это время до ухода на пенсию занимался педагогической деятельностью. Был директором восьмилетней школы на станции им. Майлина, завучем школы-интерната и сейчас ветеран занимается активной общественной работой. Он более десяти лет является ответсекретарем городского совета ветеранов. Забот хоть отбавляй, но они по плечу лейтенанту Курочкину, кавалеру орденов Красной Звезды и Великой Отечественной войны I и II степеней.

Лисаковская новь №36 от 8 мая 1991 г.

36. Лоскутова А.

«Не забывают».

Совсем девчонкой была я, когда началась война, - училась в 8-ом классе. Жила здесь, в Кустанайской области, в Семиозерном. Бои гремели далеко от моего родного дома. Но не зря называют эту войну Великая Отечественная. Весь народ поднялся на защиту Отечества – и взрослые, и старики, и дети. Вместе с подругами днем мы учились в школе, а вечером, тайно от родных бегали на курсы медсестер, готовились на фронт. В июле 1942 года пришли повестки. Из нашего села на фронт ушли 50, таких как я девчонок. Три года прослужила я в авиационном полку.

Правда в боях участвовать не довелось - обслуживала самолеты. Но легко в, то время не было нигде. За два месяца изучила автомашину. И сразу за руль. Очень трудно приходилось. Ведь самой надо было отремонтировать машину, помощи ждать бывало неоткуда - у каждого своей работы невпроворот. Наш аэродром расположен был около Японской границы. Помню, однажды везла я секретные документы. На обратном пути машину обстреляли японцы. Я думала об одном «Проскочить, добраться до своих!» Такое было напряжение, что даже не заметила, как пуля разбила лобовое стекло, и осколки его вонзились в мое лицо. Я ничего не почувствовала, и только когда доехала до своих позиций, солдаты сказали, что у меня все лицо залито кровью.

Запомнилось еще, как однажды всю ночь обслуживала сразу две эскадрильи- у одной из заправочных машин разморозило радиатор. Устала за ночь, невыносимо с ног валялась.

Под утро слышу, летчики из той, другой эскадрильи, говорят между собой: «Молодец, парнишка, успевает!» Очень удивились, когда утром, у командира, увидели, что «расторопным парнишкой» оказалась девчонка. После войны вернулась в родные края. Сейчас у меня уже взрослые дети, внуки растут. Пора бы и забыть о войне. Но нет, не забывается. Два моих брата сражались за Родину и пропали без вести. Все эти годы разыскивали мы их, ждали хотя бы какого- то известия о том, где сложили они свои головы.

Лисаковская новь №15 от 23 февраля 1977 г.

37.Лычагин И.

«Служили три сержанта».

- 1943 год. Мы освобождали город Славянск. Немцы оказывали сильное сопротивление. Мне было приказано занять здание бывшего училища и не пропустить их. Ждем. Слышим гул мотора. Наконец они появляются. Считаем: один, два, три... девять танков! Я отстранил наводчика и стал на его место. Головной танк подступил очень близко, и после первого же выстрела он закрутился на одной гусенице. Перенес огонь на второй. Тот сразу загорелся. Третий танк, пытаясь обойти их, подорвался на mine. Остальные, увидев такой результат нашего единоборства, повернули назад. Сразу же после боя меня наградили орденом «Слава III степени».

-Прорвав оборону под Барвенковым, наша дивизия стремительно двинулась вперед. Вместе с пехотой в первых рядах шли и артиллерия, в том числе и мое орудие.

Мы вошли в Ново-Московск и открыли огонь. Вдруг замечаю, как в соседнем доме старик дверь то приоткроет, то закроет, а выйти не решается. Подзываю его к себе и спрашиваю в чем дело.

- Так ведь немцы хлеб пекут,- говорит старик.

- Какой хлеб?- удивляюсь.

-Рядом здесь немецкая пекарня, они давеча тесто замесили, а тут вы пришли!

Потом бойцы рассказывали, что, когда они подходили к пекарне, кто- то стал стрелять в них из пулемета. Залегли. Но вдруг пулемет замолк. А пулеметчика-то 16 летний мальчишка из Ново- Московска палкой прикончил... Говорят мальчишку потом наградили.

Лисаковская новь №15 от 21 февраля 1975 г.

38.Маликин Г.

«В труде как в бою».

Добровольцем ушел на фронт. Воевать начал в морской пехоте на Закавказском фронте. В те дни шли тяжелые бои под Керчью. Наши удерживали высоту, на которую враг сбросил десант. Из отдельного батальона, сражавшегося на этой высоте, в живых осталось только трое. Среди них и Маликин. За этот бой отважный воин получил первую боевую награду- Орден Отечественной войны II-ой степени. После переформирования сражался в Сталинграде в составе армии генерала Чуйкова.

Шли ожесточенные уличные бои. Немцам удалось захватить трехэтажный дом, откуда они и обстреливали нашу пехоту и танки. Командир поставил задачу: выбить фашистов из дома. Среди пятерых добровольцев был и Маликин. Применили солдатскую смекалку: рядом с домом, находилась котельная, из которой в дом шли сантехнические коммуникации. По трубам смельчаки проникли на чердак, внезапно напали на фашистов, закидывая их гранатами. Дом был взят. Оставшиеся в живых вражеские солдаты сдались в плен. Со взятием дома освободился большой отрезок улицы. Операция была проведена настолько успешно, что из отважной пятерки только один был ранен. Всех героев представили к ордену Красной звезды.

У Георгия Михайловича есть еще одна память о городе-герое- «Медаль за оборону Сталинграда». Потом солдат сражался в битве на Орловск- Курской дуге, был ранен. После трехмесячного лечения в госпитале вернулся в строй, в свою 19-ую гвардейскую дивизию, которая в это время освобождала Львов. В боях под Кенигсбергом еще раз отличился солдат. За отвагу и мужества его представили к ордену солдатской Славы II- ой степени. А дело было так. Шел штурм Кенигсберга. На пути советский солдат в хорошо укрепленном доме засел вражеский пулеметчик . Полевая огнем нашу пехоту, он не давал наступать.

- Спросил меня командир, - вспоминает Георгий Михайлович- сумею ли я убрать пулеметчика. Я ответил, что попробую. В маскхалате подполз к дому, швырнул в узкое окно гранату- пулемет замолчал. Для верности бросил еще гранату. Путь для наступления был свободен...

В этом бою Г.М. Маликин был ранен в голову. В Кировском госпитале, где находился на лечении, встретил известие о Победе.

Лисаковская новь №15 от 22 февраля 1978 г.

39.Мишины Александр Петрович и Инна Петровна

Дороги, жизни, судьбы фронтовые

Несколько лет назад была публикация о многодетной семье Мишиных, проживающих в п.Октябрьском. О биографии, начавшейся в довоенное время как, преодолев трудности, вырастили

пятерых детей, помогали воспитывать внуков. Супруги - участники Великой Отечественной.

Война. Кажется, много написано, но, сколько еще событий, эпизодов всплывает в памяти ветеранов. Так что не грех и повториться. Об этом нужно говорить. В назидание подрастающему поколению. Чтобы помнили...

Довоенная биография Нины Петровны и Александра Григорьевича уместилась в двух строчках. Она уроженка Подмосковья, воспитанница детского дома. Окончив 7 классов, пошла работать мотористкой на добыче торфа. Он после окончил курсы, работал на тракторе...

С 21 июня по 22 июня 1941 года Нина трудилась в ночную. Сменившись воскресным утром, пошла в баню. Вроде бы все как обычно, попарилась. Но, выйдя из бани минут через 20-30, по встревоженному виду женщин поняла: случилось что-то ужасное. Выступал Молотов. Началась война.

Трудились для фронта. А когда он приблизился к Москве, получили приказ об эвакуации предприятия. Так, Нина оказалась в Свердловске. Весной 42-го, когда фашистов прогнали от столицы, вернулась обратно. Тут же получила повестку. Зашла к Военкому он спрашивает: «В армию пойдешь?» Она оглянулась. Вокруг новобранцы, провожающие. Слезы и причитания. А кто за детдомовкой будет плакать? «Уж лучше я, чем какая из семьи», - решила Нина.

В родном Подмосковье учила «морзянку» в учебном батальоне. В августе в 133-м отдельном полку связи, в составе 6-й армии Степного фронта отправилась под Сталинград. В пути получила первое крещение – попала под бомбежку. Шестая армия уже была в боях, срочно понадобилась телефонистка. Нину направили на наблюдательный пункт(НП) командующего армией Милановского. После на НП Жданова.

Январь 43-го. Держали связь под открытым небом.

Из-за рева снарядов, разрывов бомб нормально говорить разучились. Нужно было постоянно кричать. Сорвав голос, временно оказавшись не удел, она наконец-то смогла попасть. Бомбежка уже не пугала. Под звуки канонады уснула тут же в окопе, на снегу, перемешанном с землей, как под колыбельную.

Проснулась от... тишины. Странное было ощущение. Оказывается, от тишины можно отвыкнуть! Попыталась приподняться, что-то удерживало голову. Оказалось, выбившиеся из под шапки волосы вмерзли в землю. Так под Сталинградом Нина встретила первую в своей военной биографии победу. Потом 2-й Украинский фронт – освобождали Харьков. Нина держала связь на передвижной установке...

На войне чувства острее. Влюблялись. Нина Петровна тоже встретила своего суженного. Но в бою он погиб. В конце 43-го демобилизовалась. Ожидалось пополнение семейства. Дома узнала, ее передвижная установка взорвалась на mine. Выходит, благодаря будущей дочурке осталась жива...

Военная биография Александра началась с января 42-го. Попал в 149 дивизию 314-го артиллерийского полка на Курско-Орловском направлении. Здесь принял первый бой. Но в памяти – другой.

В те дни шли жестокие бои. Стволы орудий раскалялись – нельзя было притронуться. В одном из таких боев, отбив вражескую атаку, подбили пять танков. За этот бой Александр получил медаль «За отвагу», и тут же его приняли в комсомол.

В одном из сражений на Курской дуге капитан на НП заметил, как фашисты пытаются сомкнуть кольцо. Чтобы избежать окружения, Александр, будучи в то время связистом, вызвал огонь на себя. Свои снаряды летели над головами. Земля дрожала. Постоянно уточнялись координаты. Казалось, не выжить. Но и врага разбили, и сами остались живы. Александру вручили орден Красной Звезды.

В 44-м вступил в армию.

С ожесточенными боями форсировали Днепр... Через Вислу переправлялись с пехотой. Тут и обнаружили их фашисты. Открыли огонь. На маленьком клочке земли 20 человек держали оборону 4 дня! Еды не было. Ночью ползали на нейтральную полосу за прошлогодней картошкой. Потеряли двоих. К исходу четвертых суток, под прикрытием тумана, к отважным солдатам пробрался старшина с продуктами, раненый в руку. За эту переправу у Александра к другим наградам прибавился второй орден Красной Звезды...

С боями шли через Россию, Украину, Белоруссию – везде разруха. От деревень – одни печи да трубы.

Встречался на Эльбе с американскими солдатами. Союзники наконец-то открыли второй фронт. От них получили в подарок пять машин. С лозунгами «Вперед на Берлин!» двинулись рушить последний оплот врага. С боями дошел до Дрездена. Как-то в пути задержали немецкого солдата, неплохо говорившего по-русски. Рядом его деревня, он пробирался к жене и детям. Пощадили. В ответ получили хорошее угощение и на дорогу продуктами запаслись...

Пришлось освобождать наших заключенных из концлагерей.

Особенно запомнился лагерь из числа угнанных на работу в Германию женщин. Оборванные, грязные и очень истощенные. Армию направили в Прагу. Надо было добивать фашистов. Здесь 9 мая 1945 года встретили День Победы. К наградам добавились медали «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» Служил в Австрии, Венгрии. Домой вернулся в 47-м, после лечения в госпитале. А через три года сошлись пути двух бывших фронтовиков Александра Егоровича и Нины Петровны...

Провожая меня, Александр Егорович надел свой парадный пиджак с наградами. На мгновение передо мной предстал бравый гвардии старший сержант, как будто только вернувшийся с фронта...

Лисаковская новь № 19 от 08 мая 2003 г.

40.Мишин А.

Воспоминания Мишина А.

Александр Егорович неохотно рассказывает о войне. Не любит. Иногда вспоминая те «сороковые роковые», плачет. И это человек, награжденный медалью «За отвагу», боевыми орденами. Не за красивые глаза ведь вручали эти награды – за мужество.

На фронт Александр Мишин попал в 42-м году. Служил в артиллерии. «Сколько земли перекопал на войне!» говорит он. Траншеи, укрытия для орудий, блиндажи... Вытащить застрявшее в грязи орудие – тоже вам не фунт изюма. Случалось, не ели по несколько дней. Александр Егорович вспоминает, как переплыл с товарищами Днепр и держал связь со своей батареей. Четыре дня с того берега не могли доставить еду. Бойцам приходилось уползать с наблюдательного пункта и искать картошку. Кто раскапывал и приносил, а кто и не возвращался – попадал под пули. Только на пятый день, когда над рекой лег туман, привезли еду для солдат.

Запомнил Мишин один из первых своих боев. «На нашу батарею пошли танки с пехотой, - рассказывает он. – Я был заряжающим орудия. Стреляли так, что у орудий стволы нагревались...» И все. Больше о том бое - ни слова. Добавил лишь, что их батарея (было четыре орудия, а после боя осталось три) подбила пять танков. И что он, Мишин, был награжден медалью «За отвагу».

Однажды восемь человек – и Мишин среди них – оказались в окружении. Но была у них рация – артиллеристы вызвали огонь на себя. Радист, передавший координаты, плакал. Но наши очень аккуратно положили снаряды - своих не задело. Такое им выпало счастье... А у Александра Мишина очередная награда – орден Красной Звезды.

Вторая «Звезда» - за форсирование Вислы. Лодка, в которой был Александр Егорович, затонула – до берега добрался вплавь. Пятнадцать человек два дня на вражеском берегу удерживали плацдарм. Удержали.

Подробностей о тех событиях у Александра Егоровича не выпрашивайте – бесполезно. Он и с родными-то этими подробностями никогда не делился. Так – кратко ответит, если спросят.

Куда охотнее он рассказывает про другое. Как, например, взяли в плен немца, а тот попросил: « Не убивайте. Рядом моя деревня». Пришли к нему домой, и немец выложил на стол все свои запасы: коньяк, русскую водку, колбасу, антоновские яблоки... Накормил напоил да еще и дал с собой в дорогу. «Пленных мы уже не трогали, не били», - сказал Александр Егорович. Да что говорить – в батарее Мишина некоторое время пленный немец был водителем. Хорошо водил машину, неплохо говорил по-русски. И не подвел!

Помнит Мишин и встречу на Эльбе. «Часто вам снилась война?» - спросил я. Александр Егорович не ответил.

Лисаковская новь № 11 от 17 марта 2005 г.

41.Мишина Н.

«Не женское это дело – война».

Нина Петровна на войну не рвалась. Но и не отказывалась. Вызвали ее в военкомат: «Хочешь служить в армии?» «Что значит «хочешь»? – ответила. – Если нужна я на фронте – давайте повестку». Дали. И затем из Саратова «пешкодрапом» под Сталинград. Была на НП командующего телефонисткой. В блиндаже тепло, но вот после работы... Жили телефонистки в яме, накрытой досками. Вместо двери – тряпка. Даже печки не было. Болели, естественно. Нину Петровну как-то лечил сам Малиновский. Увидел дрожащий, закутавшуюся в шинель телефонистку. Малярия! Распорядился командующий принести хинина и стакан водки. И вылечил.

Нина Петровна в боях не участвовала. Но под Орловкой, видела какой ценой отстояли Сталинград. Трупы лежали штабелями – наши, немцы... Там же, под Орловкой, аппаратная была развернута прямо на улице, только огорожена плащ-палатками. Два часа телефонистка держала связь, пытаясь перекричать бьющие без перерыва орудия и идущие над головой бесконечные эскадрильи. Сорвала голос. Легла отдыхать. Проснулась – тишина. Сталинградская битва закончилась.

О чем человек думает, когда заглядывает в лицо смерти? Как-то Нина Петровна получила «подарок солдатку» - носки из верблюжьей шерсти. Из Казахстана, кстати. А с носками ботинки были тесноваты. Поэтому телефонистка, когда приходила в блиндаж ботинки снимала. И однажды блиндаж накрыло снарядом. Нина Петровна во время взрыва успела подумать, что похоронят ее без обуви. И носки снимут. И так жалко ей стало этих носков!

Не женское это дело – война! Мужчинам проще. А женщинам даже помыться негде. Но война не делила людей на женщин и мужчин. Воевали они рядом. И умирали рядом. Такое им выпало время... «Если нужна я на фронте – давайте повестку»

Лисаковская новь № 11 от 17 марта 2005 г.

42.Михайловский В.

«Есть о чем рассказать ветерану».

Василий Дмитриевич рассказывает, что, когда впервые увидел у дороги, по которой отступали, нашего солдата, пролежавшего убитым, наверное, дня два, было так жутко, невыносимо это видеть, что казалось, не выдержишь. Но надо было, выдержали все. Уже после первых боев спрятался куда-то естественный страх перед возможной смертью. Об этом просто старались не думать. Думали о другом – надо победить, во чтобы то ни стало – победить!

Много лет прошло, но до сих пор помнят фронтовики своих боевых товарищей, помнят все горькое, что пришлось пережить, и то веселое, что порой случалось во фронтовой жизни.

Служил в соседнем батальоне автоматчик Алексей Севастьянов, - рассказывает Василий Дмитриевич, - был этот Севастьянов больше двух метров роста – настоящий богатырь. Форму для него подобрать не могли – специально шили. А повара двойную порцию на обед выдавали. А повара двойную порцию на обед выдавали.

Добродушный такой был, с виду даже не поворотливый. Но вот однажды в атаке вырвался он вперед. Заскочил в немецкий блиндаж, скосил там всех автоматной очередью. А из соседнего блиндажа увидели, что он один и давай забрасывать его гранатами. Так Алексей ни одной гранате не дал разорваться – на лету ловил и обратно бросал, у немцев они и разрывались.

За тот бой Севастьянову присвоили звание Героя Советского Союза. Долго рассказывали солдаты друг другу эту историю.

Лисаковская новь №67 от 3 сентября 1980 г.

43.Налимова К.

«Сестричкой звали бойцы меня».

«Как трудно возвращаться в это прошлое! С его бомбёжками, артиллерийскими залпами, лязгом танков и смертью убитых пульей, осколком, сгоревших в танке, знакомых и незнакомых людей.»

«... Конечно, понимаю. Что об этом надо говорить, нужно рассказывать тем, кто не видел войны, что бы помнили, знали как это страшно, что бы всеми силами старались предотвратить новую человеческую бойню.

... Всё, чем жила до этого дня, все мечты и желания отодвинулись. Всех нас объединяла одна цель: разбить гитлеровцев.

...Шёл 1943-й, год коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Стремительно продвигались на запад советские войска. На 1 Украинский фронт под город Белая Церковь был переброшен и наш корпус. Начались ожесточенные бои за освобождение Украины.

... Страх не было, что- то окаменело внутри, и я знала только одно: надо! Надо снова бежать под пули, туда, где нужна моя помощь.

В январе 1944 года нашему полку присвоили звание гвардейского. И было радостно сознавать, что это и моя заслуга, и моих товарищей. После освобождения Белоруссии через Латвию вышли на государственную границу. Прорвав оборону противника, рассекли противника, рассекли фашистскую армию на отдельные изолированные части. Прошли несколько городов Пруссии, и подошли к главной твердыне Восточной Пруссии, Кенигсбергу, городу – разбойнику, как его прозвали советские солдаты. Генеральный штурм крепости начался 6 апреля 1945 года. Через три

дня остатки её гарнизона вынуждены были сдать. С освобождением Кенигсберга и закончила войну.

С каждым годом всё меньше и меньше остаётся среди нас людей, которые в годы тяжёлых испытаний не дрогнули, не сломались. Жизнью и кровью своей отстояли наши сверстники право советских людей быть человеком. Поэтому живут их подвиги в сердцах миллионов. Нельзя не вспомнить и тех, с кем перенёс все тяготы войны, укрываясь одной шинелью, ел из одного котелка, делил последний сухарь из «нз». Такое не забывается.»

(текст песни «**Ко дню такому цветов купила,**

А многих встретить уже нельзя.

Мне 18 в ту пору было,

Сестричкой звали бойцы меня. »)

(Н.Присяжнюк)

Лисаковская новь №34 от 8 мая 1984 г.

44.Низяев В.

«Мужание юности».

В угрюмую черноту по соснами упрямо пытается заглянуть полная холодная луна. Иногда ей удается прорвать сквозь игольчатые вершины и тогда отчетливо становится виден бархатистый подшерсток мха с северной стороны на побеленных инеем стволах деревьев. Тишина стоит непоколебимая. И только иногда, резко разорвав ночное очерование, взлетит едкая голубоватая звездочка ракеты, и тени шарахнутся ближе к лесу.

Виктор переместил онемевшее тело, искоса глянул на Николая. Тот лежал удобно привалившись плечом к обломку бревна, винтовка его казалась веткой. Тени скрывали его, напряженный взгляд устремленный вверх, туда где словно растворившись в тени от крутого обрыва, вот уже несколько долгих минут пропадали лейтенант.

Война идет пятый месяц, но сегодняшняя разведка для друзей – первое боевое крещение.

Впрочем, оно началось раньше, когда их было двенадцать семнадцателетних, когда они всей гурьбой ввалились в комнату секретаря комитета комсомола. Им тогда отказали. Но они пришли снова и поставили, как им показалось, все на свои места. Справедливость восторжествовала- их взяли на фронт. Курсы подготовки, затем недолгий путь на Калининский фронт. Сбор по тревоге, и голос командира – кто хочет идти разведку? Шагнули многие и мне стало радостно от этой общей собранности, от этой готовности идти в бой.

- Держи,- прервал размышления свистящий шепот, и сверху скатился бесформенный кубок тел.Луна выхватила на секунду чужое испуганное лицо,и через минуту оно исчезло закутанное в плащ- палатку.
- Вперед!- тяжело дыша , приказал лейтенант. Ребята не видели, как брал «языка» лейтенант.

...Война шла уже третий год, а он уже в чине лейтенанта служил в одном из полков гвардейских минометов. Грозная «катюша» наводила ужас на врага, а управлял ею он, бывший школьник, бывший разведчик.

Так с «катюшей» и прошел Виктор Незяев до Вены, побывав до этого почти на всех фронтах, на севере и на западе.

Каким жданным был всеми день победы, но пришел он несколько неожиданно. В тот теплый вечер бойцы подразделения улеглись было отдохнуть, как невероятная стрельба из всех видов оружия подняла их с места.

-Брат!- рванулся какой то венгр к Виктору- Победа! Фашизм капут!-Победа светилась в его черных глазах, даже ощущалась в терпком вкусе братского поцелуя.А кругом обнимались, палил в воздух свои и незнакомые...

Лисаковская новь №21 от 9 мая 1969 г.

45.Новошинцев Н.

«Величие подвига».

Николай Георгиевич Новошинцев - Фашисты рвались к Москве. К середине ноября 1941 года передовые отряды немецких захватчиков вплотную приблизились к столице нашей родине. Но мужество и стойкость советских людей, беззаветная любовь к Родине остановили их на самых подступах к столице. Военная часть, куда попал Николай Новошинцев, начала свой путь на фронт из глубины Казахстана, где она была сформирована в одном из городов. Путь до обороняющейся Москвы воинский эшелон прошел на курьерской скорости. Тревожное чувство было у солдат. Ведь враг был у самого сердца Родины. У всех было одно желание - быстрее схватиться с коварным врагом. Чувство ненависти заглушало все остальное, может быть поэтому у молодых, не нюхавших еще пороха солдат не было ни боязни, не страха. Не всем им суждено было узнать радость победы, многие не дожили до этого прекрасного дня.

Под деревней Перемилово состоялось его первое боевое крещение. В числе 12 связистов он был прикомандирован к штабу дивизии. Командирование решило отбить деревню. На том участке, где предстояло им пройти, находился сарай, с крыши которого, не давая приподняться над землей, поливал фашистский пулемет. Небольшому отряду из трех поручили снять пулеметчика. Решение созрело такое: ползком назад, в лес, зайти в тыл пулеметчику и, пользуясь периодами, когда пулеметная очередь гасила всякие шорохи, подобраться к сараю. Операция удалась. Расставив своих напарников по местам. Николай подобрался поближе к строению и швырнул на чердак противотанковую гранату.

Взрыв был настолько силен, что кровля не выдержала и рухнула наземь. Вместе с нею и скатились вниз фашисты. Ошалело вращая глазами, они не смели двинуться с места, и взять их было не особенно трудно, но молодые парни не нюхавшие раньше пороху, изрядно поволновались. Пленных доставили в штаб, путь в деревню стал свободным.

Лисаковская новь № 37 от 8 мая 1972 г.

46.Оберемков Я.

«Вспоминая минувшее».

В 1938 году меня призвали в армию, служил в авиации. Служба подходила к концу, до демобилизации оставалась меньше полугода. Но не скоро довелось мне увидеть родные места. 22 июня, в 4 часа утра в полку была объявлена тревога. Началась война. Аэродром наш был расположен под Киевом, в Борисполе. Часов в 6 утра показались 9 вражеских самолетов. Все еще не верилось, что действительно обрушилась на нашу страну страшная беда. Не верилось...

А немецкие самолеты низко - низко пролетели над нашим аэродромом. Мы впервые услышали взрывы вражеских бомб, увидели смерть. Двое летчиков было убито, 7 – ранено. За войну я сделал 184 боевых вылета. И первый из них был на 3 день войны - 25 июня. Что скрывать, на первых порах трудно приходилось нашим войскам. У врага был опыт войны, а нас пока не было. Да и техника в то время была еще не самого высокого класса. После присоединения Западной Белоруссии, Западной Украины, прибалтийских республик, не до конца еще были укреплены новые границы. Все это оборачивалось большими потерями в первые дни войны. Но самое главное - было у наших людей желание во что бы то ни стало отстоять свою Родину. Мужеству, героизму и самоотверженности наших солдат и летчиков не было предела. Тот, первый вылет, для меня и моих товарищей был неудачным. Самолет подбили, пришлось прыгать с парашютом. Но после этой неудачи только сильнее рвались мы в бой. До сих пор звучат в моей памяти слова И.В. Сталина, с которыми он обратился к советскому народу: «Наше дело правое. Мы победим!» Слова эти придавали бойцам силы и решимости. Довелось мне своими глазами видеть знаменитый парад в Москве 7 ноября 1941г года. Погода была пасмурная, нелетная. Нас, летчиков, привезли на Красную площадь, и мы видели этот парад, с которого солдаты шли прямо на фронт. Наверное, на войне мне все- таки везло. Четыре раза подбивали немцы самолеты, на которых я летал.

Четыре раза довелось прыгать из горящей машины, но вот остался жив, да и ранен был только один раз, слегка. Это было уже в партизанском отряде. В отряд я попал так. В 1943 году немцы подбили мой самолет. Меня схватили власовцы и сдали в немецкую комендатуру. Я оказался в плену. Через полтора месяца, когда меня и других пленных везли в Германию, вместе с двумя товарищами мне удалось выпрыгнуть из поезда. Это было под Варшавой. Пробирался к своим. В Виницкой области встретился с партизанами. Одиннадцать месяцев был я солдатом лесной народной армии. В нашем партизанском

соединении было больше тысячи человек. Мне доверили быть командиром роты, в которой насчитывалось 183 бойца. Именно в партизанах я особенно ясно увидел, как весь народ поднялся на борьбу.

В любой деревне, рискуя жизнью, советские люди помогали партизанам, прятали их, если что было необходимо, делились последним куском хлеба. Много хороших и смелых людей встретил я в отряде. Как-то раз жители одной деревни попросили избавить их от пятерых фашистов, которые ушли от своих, поселились в деревне и без зазрения совести грабили всех. Пришли мы в деревню, окружили дом. Я и еще один такой же молодой парень Алексей Воронцов, открыли дверь в дом. Немцы, увидя нас, моментально погасили свет. Один из них выстрелил, Алексей заслонил меня, своего командира. К счастью, его не убили - ранили. Вот такие были люди - меньше всего каждый думал о себе. Отряд наш был интернациональным. Воевали в нем рядом русские, белорусы, украинцы. Был чех, Юзик. Он бежал к нам от немцев, не захотел воевать в армии фашистов. Юзик хорошо знал немецкий язык. Это очень помогло нам в одной крупной операции. В городке Большая Кириевка остановился немецкий стройбат. Его солдаты разместились по квартирам. Однажды ночью отряд из 45 партизан подъехал на лошадях к городку. Спешились, не поднимая лишнего шума, пошли от дома к дому. Стучали в дверь, Юзик выдавая себя за немца, просил открыть дверь. Мы стремительно входили в дом и ... уводили пленных. Конечно, заранее все было разведано, продуманно до мельчайших деталей. И все - таки нам встретилась неожиданность. Одним из первых взяли в плен командира стройбата, капитана Мюллера. Он не оказал ни малейшего сопротивления. Только сказал: «Я давно вас жду. Я не солдат, а инженер. Меня заставили идти на фронт. Но мне ненавистен фашизм».

Мюллер был антифашистом. В ту же ночь он помог нам захватить в плен многих немцев. Всего в ту ночь, не считая Мюллера, мы привели в отряд 37 пленных. Больше просто не успели взять - наступил рассвет. Мюллер остался в отряде. Месяца два мы еще не очень доверяли ему, присматривались. Но он оказал на деле, что говорил правду. До конца войны воевал он с нами вместе против фашистов. Много запоминающегося было в те далекие. Трудные годы. Невозможно рассказать обо всем. Хочется, чтобы сегодняшняя молодежь знала, какая суровая молодость выпала на долю моего поколения.

Лисаковская новь № 34 от 6 мая 1977 г.

47.Олейников И.

Воспоминания Олейникова И..

Война застала Ивана Григорьевича Олейникова в с.Коркино Челябинской области. В ту пору ему было шестнадцать. Отец почти сразу ушел на фронт, попал в элитные войска. В боях под Москвой получил контузию и был демобилизован. Ивана Григорьевича призвали в армию в декабре сорок второго. Прямо со школьно скамьи направили в Троицкое военное училище по подготовке кадров. Получив специальность, в марте сорок четвертого был направлен в Москву, в Тушино, в распоряжении штаба ВВС.

Оттуда переброшен в Одессу в истребительский авиационный полк, где прошел подготовку для перелета в Румынию. Но война внесла свои коррективы. Вместо Румынии попал в Польшу. Воевал в Чехословакии и Германии. Шестого мая стоял у стен Рейхстага. Победы праздновал в Берлине.

За подготовку самолетов к ста боевым вылетам награжден медалью «За боевые заслуги». Имеет медали «За взятие Берлина», « За освобождение Праги», Орден Великой Отечественной войны.

После окончания войны окончил с отличием Коркинский горный техникум, затем также успешно Свердловский горный институт. Получил специальность горного инженера. В 1970 году переехал в Лисаковск, трудился на руднике горно-обогатительного комбината. Вырастил сына, дочь, имеет внуков.

26 января Ивану Григорьевичу исполнилось 80 лет. Совет общности 6 и 11-го микрорайонов от всей души поздравляет ветерана Великой Отечественной войны со столь знаменательной датой и желает ему здоровья и долгих счастливых лет жизни!

Лисаковская новь № 5 от 03 мая 2005 г.

48.Олейников И.

«Исполняя высокий долг».

Иван Григорьевич Олейников механик по вооружению самолетов 107 авиаполка семнадцатой воздушной армии, прибыл на фронт сразу же после окончания в Троицке авиационное училища. Советские войска уже были на подступах к Берлину. Недалеко от него находился аэродром с Советскими самолетами, которые обслуживал гвардии старшина Иван Олейников. Неожиданно для многих в небе вдруг появился «Мессершмидт-163»- новый немецкий двухтурбинный реактивный самолет, который первоначально наводил на людей ужас и страх. Стреляя сразу из четырех пушек, он пролетел над аэродромом и скрылся «мы настолько растерялись, что дежурное звено, состоящее из Яков, Даже не успело подняться в воздух. Зато на другой день Мессер появился вновь. Четверка Яков дружно вымылась ввысь и окружила немецкий самолет. Мы с волнением наблюдали за тем, что происходит в воздухе. В какой- то момент немецкий летчик решил, видимо оторваться от преследователей, и, приняв вертикальное положение, стал набирать высоту. Вот тут то и подбили его наши летчики. Это был второй по счету «Мессершмидт-163», сбитый нашими, а ведь мифов об этих самолетах ходило не меньше, чем когда- то вокруг «Тигров» ...

И еще помнится бывшему солдату: по направлению к Берлину летят и летят наши самолеты в несколько этажей. С утра и до вечера слышался над землей знакомый рокот Илов, Яков и тяжелых бомбардировщиков, сопровождаемых другими самолетами. То означало близкий конец войны, которая так нелегко далась советскому солдату.

Лисаковская новь №61 от 4 августа 1976 г.

49.Осадчий И.

«Воспоминания фронтовика».

Прошло почти 50 лет со Дня Победы. Но невозможно забыть те военные годы и боевых товарищей.

Иван Гаврилович Осадчий с 1943 по 1950 годы защищал своё Отечество с оружием в руках. Имеет награды за боевые заслуги.

Шёл 1943 год. Меня призвали в армию 9 мая и направили под Сталинград. Пройдя учебку в городе Красноармейске, я попал на службу под Тулу. Здесь мы уже проходили закалку в боях.

После освобождения Орла нас под строгим секретом направили в город Грозный. Когда прибыли на место, объяснили, что будем выселять чечено – ингушей. Вот такая задача для солдат. Как только навели там порядок, нас перебросили в Белоруссию. Под Пинском в лесных массивах и болотах орудовали крупные группировки немцев, власовцев. Они издевались над мирным населением, грабили, убивали, насиловали, сжигали дома. Наша задача была ясной: найти и обезвредить врага. Семнадцать бойцов во главе с командиром взвода вышли в разведку. Необходимо было пройти двадцать километров, чтобы попасть в село Клетная. Когда прибыли в пункт назначения, командир дал указание всем расположиться на отдых. Солдату Семененко было приказано наблюдать за лесом. Неожиданно со всех сторон раздались выстрелы. Семененко ранили в обе ноги, поэтому он не смог поползти с пункта наблюдения в деревню.

Услышав стрельбу, командир приказал всем приготовиться к бою. Началась сильная стрельба с обеих сторон. Вдруг солдат, который набивал патроны в диск, закричал: «Командира убили!». Тут же он схватил пулемёт и стал строчить по кустарнику, откуда стреляли немцы и власовцы.

Мы отражали атаку противника, но силы были на стороне врага. Немцы стали нас окружать. И вот из деревни Соколовка прибыла подмога. Много немцев и власовцев погибло, остальные задались в плен. А тех, кто разбежался по лесу, потом выловили.

Для нас бой оказался успешным. Вот только командира и солдата Семененко похоронили на деревенском кладбище. Потом нас перебросили на Западную Украину.

Во Львовской и Тарнопольской областях бесчинствовали большие группы бендеровцев. Тех, которые не здавались, уничтожали. Сдававшимся в плен предоставляли свободу. Много наших бойцов полегло на Украине. Все ребята молодые, неженатые. Но все мы шли к победе.

Так я провоевал до 1949 года. Закончил военную службу в Закарпатье в конце 1950 года.

Лисаковская новь № 20 от 15 марта 1995 г.

50.Пантелеев В.

«Эта памятная переправа».

В.Пантелеев- В августе 1945 года наш танковый взвод , в котором я был механиком-водителем танка Т-34 , в составе 386 стрелкового полка вел наступательные бои в Манчжурии. При переправе через реку Халхин- Гол наши снайперы несколько дней не могли навести понтонный мост из-за сокрушительного огня противника с противоположного берега реки, где у японцев были сильные оборонительные укрепления. Только после подхода дивизии «катюш», при ураганном обстреле укреплений противника, саперы смогли, наконец, навести понтоны через реку. А ночью наши танки, переправившись на другой берег, захватили укрепления противника и дали возможность всему полку переправиться в тыл к врагу и закрепить плацдарм.

Лисаковская новь №36 от 8 мая 1974 г.

51.Пауков Н.

«Медаль за бой, медаль за труд».

- Рассказывать о войне непросто. Да и какой эпизод выбрать? Каждый день войны начинался, как рабочий день. Но даже самый маленький бой памятен, потому что он неразрывно связан с гранью между жизнью и смертью. А как хочется жить среди этой свинцовой кутерьмы! У нас в то время ходила такая поговорка: «Если солдат прошел через бомбёжки, то он достоин награды».

Сейчас в мирное время при звуке далёкого одиночного взрыва пластов земли на руднике мы все невольно вздрагиваем. А тогда...

- Порою между окопами - нашими и противника, было всего семьдесят метров, и даже когда не было боевых операций, перестрелки, атак фрицев, то всё равно чувствовали себя в напряжении. Знали, что напротив поджидает твоей оплошности, неосторожного движения враг. Стоит только чуть – чуть поднять каску на штыке над бруствером окопа, как моментально дзинькнет пуля. Хорошо, если ещё лето, а осенью или весной приходилось по колено стоять в воде. Всё это выматывало до предела...

- Это было в феврале 1942 года. Перед нашей группой командир поставил задачу: «Добыть языка».

Мы вышли на задание. Добрались до населённого пункта (теперь не помню названия этой деревни). Залегли у дорожки и стали ждать. Появились два «ганса», мы их взяли без шума, связали и доставили в наше расположение. Один из них оказался сапёром, другой – связистом. Командир сообщил позднее, что они дали очень ценные показания. За эту операцию её участников представили к наградам. Это была первая для меня – медаль «За отвагу».

- Потом служба сапёром. Все, конечно, знаю, что при таком деле ошибаются только раз. Вот ползёшь по минному полю (хорошо, если нет ещё обстрела) и прощупываешь перед собой каждую пядь земли. В руках только палка со стальным наконечником. Вот и всё наше оборудование. С миноискателем на глазах у противника не пойдешь? Видишь чуть бугорок или земля осела - это значит ищи здесь «гостинца». Много хлопот доставляли нам противотанковые мины. Мы называли их «блинами». Что бы обезвредить их, нужен специальный ключ, но ребята научились их разминировать при помощи десятикопеечной монеты.

- Недалеко от Кенигсберга пришлось нам форсировать реку. Не широка она, но глубокая. Берег наш был покатый. А другой крутой и поросший лесом. Место очень красивое. Была ранняя весна сорок пятого. Грязи хватало, конечно. Рядом Балтика. Но настроение всё равно весеннее. Первая попытка переправится и захватить плацдарм не удалась. Только мы на подручных средствах доплыли до середины реки, как фрицы открыли ураганный огонь. Пришлось вернуться на исходные позиции. На следующее утро под покровом тумана удалось нам, переправится через реку и захватить плацдарм. Следом пошли в бой другие подразделения наших частей. А мы застряли на этом рубеже. Дело в том, что враг здесь подготовился основательно. Оборона его была укреплена дотами, которые в целях маскировки открывали огонь только в критических ситуациях. Они имели по две амбразуры, расположенные низко от поверхности воды. На крыше росли деревья, поэтому с воздуха они не просматривались. Между ними шли окопы с открытыми пулемётными площадками. Мы получили задачу уничтожить доты. Это удалось сделать только с наступлением темноты. Взяли их в кольцо.. гарнизон одного уничтожили гранатами, второй сдался в плен. Когда мы вошли внутрь дома, то увидели, что он разделён на три отсека. «Спальня» с гамаками, склад для боеприпасов и питания (в которых оставался ещё месячный запас), и боевой. В этих дотах было проведено своё водоснабжение. Созданы все условия для долговременной обороны. Но, всё - таки они сдались!

Лисаковская новь № 30 24 апреля 1985 г.

52.Перерва И.

«Дорогой испытаний».

Осенью 1943 года Ивану Дмитриевичу Перерве исполнилось 17 лет. Скупые строки повестки из военкомата - так стал он солдатом запасного полка. Нелегко было юному пареньку, выросшему в степной украинской деревеньке, осваивать трудную

военную науку. Командиры, которые уже знали, что такое война, были строгими и требовательными. Новобранцы буквально не успевали стирать побуревшие от соли гимнастерки. Учебные атаки сменялись тревогами, тревоги- строевой подготовкой, сборкой и чисткой оружия- и так каждый день на протяжении нескольких месяцев. Иван Дмитриевич или, как шутя называли его «сынок» постоянно надоедал своему ротному, прося отправить на фронт. Но получал неизменный ответ, - успеешь, еще навоюешься.

-Думал, что без меня все кончится, лишь с годами понял, что командир просто щадил мою молодость, потому и продержал меня почти год в запасном полку. Первый бой для молодого солдата, наводчика минометного расчета был на Южном фронте при форсировании Днестра в августе 1944 года. Перед переправой началась мощнейшая артподготовка, длилась она более трех часов.

- Командиры приказали нам, заткнуть свои уши ватой, что бы не оглушило. Первый бой закончился благополучно ни ранения, ни царапины, ни контузии. Но он увидел смерть и кровь своих товарищей, узнал, что такое страх, с особой силой почувствовал его, когда находившийся недалеко от их позиции соседний расчет прямым попаданием немецкой мины разметало во все стороны. В этом бою солдат научился подавлять в себе страх, научился ненавидеть.

...Потом еще было много больших сражений и боев, как говорили, местного значения. Волей случая стал связистом. Сотни и тысячи метров кабеля пронес он на своей спине по фронтовым дорогам.

...У реки Муравы, что в Югославии, разгорелся упорный бой. Срочно потребовалась связь, а кабеля не было. Казалось создалось безвыходное положение, ведь без связи как без рук.

- Разрешите, я схожу к немцам, позаимствую у них кабель - обратился к командиру.

-трудновато будет, сынок,- сказал ротный Давыданов. Его по прежнему, как и в запасном полку, называли «сынком».

- Попробую, товарищ командир. И пополз, к вражеским окопам. Обнаружив телефонный провод, перерезал его и дальше через сотню- полторы метров сделал еще один надрез. Пока сматывал кабель, увидел, что к нему с двух сторон движутся немецкие связисты, которые, по видимому, вышли искать повреждение. Медлить было нельзя ни секунды. Взвалив кабель на спину, пополз обратно. Когда до своего переднего края оставалось несколько десятков метров, его заметили немцы и открыли ураганный огонь. Ему повезло. Связь тогда протянул. Иван Дмитриевич Перерва был награжден за это одной из самых почетных солдатских наград- медалью «За отвагу».

Война подвигалась к концу. Тысячи советских воинов освобождали земли братских народов- Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославакии. Войну он закончил в Австрии на границе со Швейцарией. Потом Дальний Восток. К медалям «за отвагу», «За освобождение Белграда» и другим прибавилась «за победу над Японией». Домой приехал в конце 40-х годов.

Лисаковская новь № 33 от 5 мая 1978 г.

53.Помаз А.

«Святой наказ».

Призывался я в армию 9 ноября 1943года, в трудное время для нашей семьи. В те дни пришла похоронка на старшего брата Ивана. Второй брат, Василий, вернулся с фронта инвалидом. Провожая меня, он говорил: «Не бойся, братишка . И помни: трус погибает первым». А отец, инвалид первой мировой войны. Наказал: «не посрами честь русского солдата».

Попал я сначала в запасной полк. Ускоренная ,напряженная учёба. И вот я – танкист. А дальше путь на фронт. Через Москву и Украину шел наш состав. Ещё свежи были следы боев. На освобожденной от врага нашей земле женщины, подростки и старики работали не по силам. Врезалась в память эта пахота на себе.

Первое моё боевое крещение было на Висле. Да это. Висло - Одерская операция, 40-летие которой отмечают в эти дни января и февраля. Боялся ли в этом бою? Нет. Я помнил слова брата Василия. Но тот день остался в памяти отчетливо. Перед нами поставили задачу. Указали огневые точки противника. А он здесь собирался надолго закрепится. Подготовился основательно. После артподготовки мы пошли в наступление. Много в этом сражении полегло.

Вспоминаются мне руины освобожденной Варшавы. Население нас встречало хорошо. И речь- то если вслушаться внимательно, поймёшь. Уж очень польский языку похож на украинский. Да и дома у нас квартировали поляки из Кракова. Когда я уходил на фронт, то одна из женщин просила: «Будешь в моём городе, зайди, посмотри квартиру и напиши письмо». Не смог я выполнить её просьбу. Краков мы прошли, не останавливаясь. Но я немного отвлёкся. В окрестностях Варшавы десять дней стояли на отдыхе. Но когда солдат отдыхает , тем более на войне! Приходилось уничтожать немецкий десант. И не один.

Затем снова в бой, на Одере. Границу Польше и фашисткой Германии мы переходили ночью. Конечно хотелось запомнить такой момент. Но ночь есть ночь...

Зато помню ночь другую. Прошёл дождь. Темно, хоть глаз выколи. И вдруг они пошли. В свете ракет было видно, что фашисты идут повзводно, чётко выдерживая строй. По ним били из пулемётов и миномётов, но они шли. Тогда было решено пропустить их до реки. В неё фашисты и упёрлись. Здесь их взяли в плен. Среди них оказалось много

власовцев. Все они были пьяны. На подходе к логову врага, Берлину, довелось мне освободить два концентрационных лагеря. В первый мы пришли слишком поздно. Всех узников фашисты загнали в бараки. Закрыли. Облили бензином и подожгли. В тех, кто пытался вырваться из пламени, стреляли.

Во второй мы успели вовремя. Это был лагерь для советских военнопленных. Молодые годами, они походили на стариков. Худые, грязные, голодные. Неудивительно поэтому, что восемьдесят километров, отделяющих нас от Берлина, мы преодолели за сутки.

Первого мая мы уже – в Берлине! Второго мая бой у Бранденбургских ворот. Здесь мой танк крепко привалило стеной. Я был контужен, но продолжал вместе с экипажем сражаться. За этот бой меня и наградили орденом Красной Звезды.

Мы осматривали подвал. На первый взгляд – ничего подозрительного. Здесь были только женщины, дети и старики. Вдруг я заметил, что стоящий в дальнем углу помещения один из мужчин полез в карман. Скомандовал: «Хенде хох!» У него оказался пистолет. Замешкайся я чуть - чуть и наверняка был бы убит. Самое страшное и несправедливое в эти дни получить пулю в спину из – за угла. Так погиб мой двоюродный брат здесь, в Берлине, девятого мая, в День Победы...

А мы в этот день стояли на отдыхе. Какая радость была. Смеялись, пели.

Я остался служить в группе советских войск в Германии. Мне довелось присутствовать на открытии памятника Советскому солдату в Трептов – парке.

Перед памятником в почётном марше прошли советские, американские и английские войска. Затем и мы, стоящие в карауле, осмотрели мемориал. Тогда там ещё были пулемет и танк. А на фоне неба высился Советский солдат с ребёнком на руках. И фамилии, фамилии и фамилии наших ребят, оставшихся навсегда в земле Германии.

Трёх человек отняла у нашей семьи война. Это два брата и мой отец он не дождался моего возвращения, но я выполнил его наказ.

Лисаковская новь №5 от 18 января 1985 г.

54.Попов В.

Воспоминания Попова В.

«Попова Валерия Васильевича призвали в 17 лет в армию. Был направлен в Башкирию, где обучался на пулеметчика. Три месяца, что три дня пролетели незаметно.

Валерию Васильевичу хорошо запомнилась отправка на фронт. Попал он в маршевую роту. Начались военные будни. – С боями мы продвинулись к Висле, восточный берег был буквально выжжен немецким огнем, зато западный весь в тальнике. Умышлено так сделал немец, но реку мы все, же форсировали.

В это бою Попова тяжело ранило. Попал в госпиталь. В августе сорок пятого. Военный эшелон увёз казахстанского парня на Дальний Восток. Для одних война кончилась. Для Попова и его товарищей продолжалась. Японцы сражались ожесточённо, упорно. Все бои были кровопролитные, многих друзей потерял Валерий Васильевич, потому и тяжело ему вспоминать те военные годы. Весть о победе над Японией он встретил в дальнем Мукдене.

Лисаковская новь №16 от 23 февраля 1979 г.

55.Попов Ф.

«На страже мира и труда»

Моя молодость пришлась на предвоенные годы. Действительная служба совпала с войной с белофиннами. На передний край был призван в первый день Великой Отечественной войны. ... Был сержантом, командовал расчетом 76-миллиметрового орудия. В боях за Ржев после тяжелого ранения в октябре сорок первого стал инвалидом. С годами зажили раны, и я стал солдатом трудового фронта. Результаты коллективного труда строителей на- лицо. В казахстанской степи выросли новые города. Рядом с ними возведены водохранилища. В сооружении этих строек есть доля и моего труда.

Лисаковская новь № 10 от 3 февраля 1978 г.

56.Прохоров И.

Воспоминания Прохорова И.

Восемнадцатилетний Иван Прохоров в воскресный день 22 июня 1941 года был на сенокосе. С бригадой мужчин из поселка Оренбургское Тарановского района он занимался самым что ни на есть мирным трудом. Неладное почувствовали, едва завидев, как по степной дороге в их сторону мчится во весь опор верховой. От него и услышали страшное слово «война».

К 14 часам сельчан собрали на митинг. Мобилизовали всех боеспособных мужчин. За штурвалы тракторов встали вчерашние школьники. Некогда им было оканчивать специальные курсы. На ходу учились у молодых механизаторов. Среди подростков был и Иван. Настолько ловко овладел он профессией тракториста, что весной сорок второго ему доверили проводить посевную. И он успешно справился с заданием. Урожай получили отменный, и снова Ивану дали отсрочку: война войной, а хлеб нужно убрать.

На фронт Иван попал в январе сорок третьего.

Курская дуга. Армия Рокоссовского.

Его зачислили в 479-ю отдельную разве дроту. И сразу в бой. Мальчишки. Они и понятия не имели, что такое настоящая война. Не такой представлял ее и Иван.

Молодые, едва услышав команду «Вперед!», они безоглядно выскакивали из окопов. Многих тут же косила вражеская пулеметная очередь. Вновь находку пришлось учиться у старших товарищей. Только теперь Иван осваивал военную науку. И впредь был осмотрительней.

После жестоких сражений их армия вышла к Днепру. Особенно запомнился Ивану день 4 января 1944 года. С вражеской стороны уже несколько дней было подозрительное затишье. Немцы явно что-то замыслили. Лыжный батальон, в котором воевал Иван, получил задание: разгромить вражеский штаб и добыть необходимые сведения.

В штаб немецкой дивизии их разведгруппа зашла с тыла. Удачно «сняли» часового, охранявшего офицерский блиндаж. Быстро скрутили худого, как жердь, унтера. Прихватили его планшетку с документами. Многих тогда ранили в завязшейся перестрелке, в их числе оказался и Иван.

Немецкая пуля вошла под правую лопатку. С тяжелым ранением проскитался он три месяца по госпиталям. Догнал своих уже на Сандомирском направлении. Там его ждала награда – орден Красной Звезды. Оказалось с заданием они справились блестяще, и добытые ими сведения были очень важными

С боями дошел он до Польши. За успешно проведенную боевую операцию на реке Нарва получил орден Отечественной войны II степени. Было это в конце сорок четвертого. Их разведгруппа из семи человек получила задание взять «языка». Для этого им нужно было переправиться на оккупированный немцами остров, расположенный посреди Нарвы. Два дня разведчики вели наблюдение за островом: установили места охраняемых объектов, время смены караула, а послу ночью переправились туда на лодках. Не обошлось без перестрелки, но задание выполнили. Когда дрожащему от страха «языку» пытались сунуть в рот кляп, он, подняв руки, испуганно сказал: «Гитлер капут. Сталин гут!» Очень ему хотелось жить...

Довелось Ивану Ивановичу брать Кенигсберг. Крепко держали немцы оборону. Командиру дивизии дали в помощь две роты штрафников. И в том, что крепость была взята, немалая заслуга разведки. Не зря ее называли глаза и уши армии. За проявленную смекалку и отвагу вручили Ивану Ивановичу орден отечественной войны I-й степени.

Война для него закончилась в восточной Пруссии. Памятна ветерану ночь с восьмого на девятое мая, когда внезапно прекратилась всякая перестрелка и наступила такая непривычная тишина. В числе первых разведчики узнали о полной капитуляции врага.

Домой Иван Иванович возвратился только в 47-м. При боевых орденах и медалях – свидетелях ратных подвигов. С радостью вернулся он к мирному труду. Вновь сел на трактор. Обзавелся семьей, вырастил дочь и сына. Сейчас у ветерана четыре внука и два правнука. Ныне проживает он с супругой в Лисаковске. К его боевым прибавились награды за труд. Но, как пояснил сам Иван Иванович, среди всех наград есть одна... немецкая.

Это пуля, которую он получил тогда в январе сорок четвертого. Она до сих пор находится в теле ветерана, только с годами вышла в предплечье. И мне довелось ее потрогать...

Лисаковская новь №13 от 31 марта 2005 г.

57.Раисов К.

Воспоминания Раисова К.

... И с каждым годом, с каждым днем участников Великой Отечественной становится все меньше. О себе дают знать полученные ранения и испытания, выпавшие им в те годы.

Немало их и у Кинжегали Раисова. Молодого парнишку призвали в 1942-ом, когда ему было всего семнадцать лет. Учился он в Троицкой школе младших авиаспециалистов на воздушного-стрелка. 949-ый штурмовой авиационный полк, ветераном которого является Кинжегали Раисов, долго на месте не стоял. Отправили его на Калининградский фронт. Впереди был Центральный Московский фронт. Конечный пункт – Витебск (Белоруссия). Вылеты, перестрелки...

Весной 1944 года освобождены Эстония, Латвия и Литва.

Последним местом военных действий Кинжегали Раисова стал третий Белорусский фронт. От фронта к фронту, которые шли один за другим, сил у молодых ребят становилось все меньше, но желание дойти до победного окончания войны преодолевало усталость и боль от полученных ранений.

Кинжегали – контужен, дважды был сбит, но ему повезло, он дотягивал до аэродрома, и после лечения и ремонта родного «ИЛ-2», снова рвался в бой. На его счету 138 боевых вылетов, каждый из которых чем то запоминается.

К примеру, один из них был в октябре 1944 года. «Мы потопили судно, где было около, где было около десяти тысяч живой силы противника плюс обслуживающий персонал», - рассказывает Кинжегали Раисов. Наш воздушный танк, как называли «ИЛ-2», не подвел».

Или, к примеру, перед взятием Кенигсберга сменился командующий. На смену генералу армии Черняховскому, погибшему при освобождении Пруссии, Сталин прислал Василевского.

«Орлы, вам большая честь – первыми быть в крепости», - с этих слов начал свою речь Василевский. А в ответ бравое: « Не подведем!» на четвертый день крепость была взята.

Все годы войны воздушный стрелок прошел вместе со своим другом – Каримжаном Канафиним. Товарищ и настоящий помощник в любом деле. Часто они сидят и вспоминают те трудные сороковые. Одна боевая техника, одни войска.

Кинжегали Раисов награжден орденом Боевого Красного Знамени, двумя орденами великой отечественной Войны I степени, одним – I-ой и орденом Красной Звезды. А так же медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга». Они и другие заслуженно приколоты и хранятся на пиджаке стрелка.

Кинжегали Раисов приехал в Лисаковск из Белинского семь лет назад. Одиннадцать лет как нет с ним супруги Надежды Абакановны. Но есть трое сыновей и три дочери, а еще и шесть внучат. С заботой о ветеране все в порядке.

Лисаковская новь №19 от 09 мая 2002 г.

58. Рыженков С.

«ОСВОБОДИТЕЛИ».

Если вспомнить, сколько событий предшествовало тому памяtnому моменту, когда в составе 1 –го Украинского фронта мы, перейдя в наступление на непрошенного германского завоевателя, переступили свою границу и в роли освободителей зашагали на запад, то обязательно всплывают многие эпизоды

Для меня война началась 22 июня в 6 часов утра. Именно в этот час немцы стали бомбить район города Овруча в Житомирской области. И мы одними из первых приняли на себя удар. Тяжело вспоминать наше первоначальное отступление...

После ранения и последующего лечения я был направлен в запасной полк. Поправился - и в часть, которая непосредственно участвовала в Курской битве. Но тогда от нее оставалось три танка и два бронетранспортера. Сформировали ее и уже новым составом мы форсировали Днепр.

Моя военная специальность – артиллерист. И вот, подлечившись в госпитали уже после второго ранения, которое получил 15 октября 1943 года, я был направлен в артиллерийскую часть.

В нашу задачу входила ликвидация так называемой Берлинской группировки противника. И, выполняя задание, весной 1944гоав. Сорок лет назад. Мы вышли на заветную полосу земли – на пограничную часть. Хорошо запомнил слова командира: «Вот и граница! Дальше – фашистское логово!».

Настроение у нас, освободителей. Было в то время, конечно, светлое, приподнятое.

...5 мая 1945 года, три дня до конца войны. Находились мы уже неподалеку от Берлина. На ночевку расположились, в лесу в доме у лесничего. И не знали того, что рядом находилось несколько фашистских танков. У немцев кончилось горючее. Достать

его им было негде, вокруг уже были наши войска. Когда мы уснули, они сделали попытку захватить нас. Дом, в котором мы находились, окружили со всех сторон. Положение было безвыходным. Тогда наш полковник приказал направить весь огонь в одну сторону и внезапным ударом прорвать вражескую цепь. Так и сделали. Но осталось нас в живых тогда около двадцати человек...

Не забуду отношение жителей Чехословакии, Польши к нам, советским солдатам. В любой час ночи зайди – покормят, с собой сверток еще приготовят. Особенное это было ощущение – чувствовать себя освободителем. Видеть радость людей разных наций и народностей при появлении советских солдат.

Лисаковская новь № 29 от 13 апреля 1984 г.

59.Салыков М.

За нашу Советскую родину.

Родился в одном из аулов Тарановского района, здесь рос, учился. В 1939 году был призван. Служил в частях около Пскова, а за четыре дня до войны – 18 июня – их неожиданно перебросили в район Мурманска. Уже в пути им стало известно, что фашисты напали на Советский Союз. Так М. Салыков попал на Северный флот.

- Мы воевали в Северных широтах, не было даже ночи что бы дать нам маленькую передышку. А 20 августа меня уже ранило. Надо добавить тяжело ранило. Даже сегодня эта рана его беспокоит, и он ходит из - за этого прихрамывая.

После госпиталя, в 1942 году, в самый разгар гитлеровского наступления, он попадает на Сталинградский фронт. Под Калачем, опять-таки в августе, получает второе ранение.

- Командир приказал, всем раненым, кто может передвигаться, пешком добираться до медсанбата. Полтора дня я шёл до Камышина, думал не дойду, но всё - таки остался жив. Оттуда на барже нас доставили в Саратов, а затем в глубокий тыл – в наш родной Казахстан, в город Петропавловск.

И вновь бои. Под Москвой, под Воронежем, под Харьковом, под Полтавой, форсирование Днепра, за Киев, долгожданный выход на государственную границу СССР. Освобождение Польши, наконец, разгром фашистского зверя в его логове. Закончил войну М.Ж. Садыков в Берлине.

- Под Полтавой уничтожил вражеский пулемёт, сдерживающий нашу атаку (это о медали «За отвагу»).

- В Польше, под Торинем, во время контратаки гитлеровцев, уничтожил вражескую самоходку. (Это о ордене Красной Звезды).

Лисаковская новь №18 от 23 февраля 1979 г.

60.Самойленко В.

«Рядом с ветераном».

В начале сорок четвертого в звании младшего лейтенанта направили в одну из действующих частей Первого Украинского фронта. Войска уже вышли к государственной границы, закрепили оборонительные рубежи. Предстояло нанести врагу завершающие удары. Наступление предусматривалось не ранее последней декады января. Однако в связи с поражением союзнических войск на Арденах Советское правительство, идя навстречу просьбам тогдашнего премьер-министра Англии Черчилля, приказано ускорить подготовку и развернуть наступление по всему фронту раньше. Взводу противотанковых орудий под командованием Самойленко и роте автоматчиков поставили задачу: первыми форсировать реку Вислу и занять на правом ее берегу плацдарм на подступах к Кракову.

-Под прикрытием ночи, погрузили орудия на баржу. Противник обнаружил нас. Начал обстрел из минометов, автоматов, - вспоминает Самойленко.

-В нескольких метрах от берега снаряд угодил в баржу. Одна пушка свалилась в воду. Промокшие и перепачканные в тине, артиллеристы выбрались на берег, подпрягли лошадей и вытащили пушку из ледяной воды. С криками «ура» отбили вражеское охранение и захватили окраину населенного пункта. Под прикрытием горстки храбрецов подоспело новое подкрепление с левого берега. Плацдарм был занят.

В одном из жарких боев взводу удалось вывести из строя тягач и гаубицу гитлеровцев. Взять в плен унтер офицера и шестерых солдат. В этом же бою был тяжело ранен, а затем доставлен в госпиталь. За проявленные храбрость и мужество был представлен к боевой награде- Ордену Отечественной войны второй степени.

Лисаковская новь № 10 от 3 февраля 1978 г.

61.Самойленко В.

«Это было под Краковом».

В.Ф.Самойленко- Хорошо помню тот день, когда я, после неоднократных отказов принять меня в военное училище, со слезами на глазах вошел в кабинет военкома и вытянулся по струнке.

-Прошу, зачислить меня в списки поступающих.

-Видали вояку, - полковник устало улыбнулся, - в чем душа держится, а туда же- в училище. Ну, да так и быть. Возьму грех на душу. Только там тебя все равно не примут. Худой больно...

Теперь я понимаю бывалого солдата. Действительно, истощенный ежедневным многочасовым трудом – работал тогда токарем на Карсакпайском медеплавильном заводе - я, и без того

хилый семнадцатилетний подросток, выглядел далеко не атлетом. Впрочем, другие тоже от меня только ростом и отличались. Может потому и повезло мне – приняли.

И вот училище позади. Я уже в качестве командира пулеметного взвода направляюсь в стрелковый полк 322 Краснознаменной Житомирской дивизии.

I Украинский фронт находился в то время на границе с Польшей. Шел 1944 год.

Конечно, все мы были готовы к схватке с врагом. Многие жаждали отомстить за гибель родных и близких, за разруху городов и сел, но когда кругом заухали взрывы, стало жутко. Поняли тогда мы, как дорога нам жизнь и что дается она однажды. Хочу рассказать об одном из эпизодов, в котором пришлось участвовать и мне. К этому времени я уже несколько привык к грохоту разрывов снарядов и свисту пуль, имел ранение. Это было во время наступления на Сандомирский плацдарм. Накануне нас вызвал к себе заместитель командира полка и разъяснил обстановку. Наша задача заключалась в следующем: пользуясь темнотой, переправиться через Вислу, закрепиться там и защитить переправу от атак противника. Утро выдалось сырое и прохладное. Заря еще не коснулась горизонта, а мы уже начали переправу. Вместе с полуротой автоматчиков, которых выделили нам в качестве подкрепления, я – в то время командир противотанкового взвода – находился на первой барже. Противник заметил нас уже на том берегу. Мы вытащили на берег пушки и отогнали первый вражеский заслон. Так начался этот трудный день. Около двух фашистских полков находилось на этом участке фронта. Противник отступал. Путь его отступления проходил как раз мимо того пригорка, на котором находились мы. Атаки следовали за атаками. Более суток сдерживали захваченный плацдарм. Место переправы через Вислу было важным стратегическим объектом: впереди был Краков, поэтому за успешные действия многие из нас получили правительственные награды. Я был представлен к ордену Отечественной войны II степени.

Лисаковская новь №37-38 от 11 мая 1973 г.

62.Силин А.

«Сильные духом».

Надвигались серьезные события на Орловско-Курской дуге, и нас, курсантов Омского пехотного училища, отправили на фронт. Мне шел тогда восемнадцатый год. Прекрасная неповторимая пора. В такие годы само понятие смерти кажется вымышленным. Отчетливо помню первые дни на боевой позиции. Кругом тонко посвистывают пули, а нам все нипочем. Мы даже хвастались друг перед другом своим «геройством», ну например, под градом пуль шли во весь рост к соседней траншее. Но ложное чувство героизма вскоре прошло. Война, фронт поразительно быстро выковывали из мальчишек настоящих мужчин. Первое боевое крещение было тяжелым. Пошли в разведку и напоролись на засаду. Меня ранило, и я упал без сознания. До сих пор с великой душевной благодарностью вспоминаю тех, кто спас меня, кто, отстреливаясь от

наседавших фашистов, вынес беспомощного бойца из опасной зоны. Ведь мы были так молоды, и каждому так хотелось жить. После госпиталя - снова фронтовые дороги.

С автоматом и катушкой телефонного провода на плече мне довелось пешком прошагать по ним пол Европы. Эти дороги мужества были тяжелейшим испытанием, но мы шли сквозь кровь, стон и подвиги, шли на смерть ради жизни.

Сила и дух советского солдата побеждала все. Как-то штаб дивизии стоял в одной из польских деревень, что под Варшавой. Ее название стерлось из памяти, но бой помню в мельчайших деталях. И не потому, что за него нас представили к боевым наградам. Для меня этот бой – яркий пример силы духа советского солдата. Неожиданно прорвав оборону, на штаб двинулось до батальона и четыре танкетки. Командир приказал отразить атаку. И вот горстка бойцов вступила в смертельную схватку с врагом. Уже подбиты две танкетки, уже двое оставшихся пустились наутек, а пехота насаждает. Мы ее расстреливали, чуть ли не в упор, гибли и наши бойцы. Казалось, вот-вот враг задавит нас своей численностью. Но из бойцов не дрогнул и до конца исполнил свой долг. Фашисты не устояли перед силой духа горстки советских солдат. Изрядно потрепанный противник отступил, а потом к нам подоспела помощь.

Лисаковская новь №16 от 24 февраля 1971 г.

63. Слабунов И.

«О ратных делах, о товарищах».

«- Наши соединения и части вели мужественную борьбу, наносили контрудары, стойко дрались за каждый рубеж. Советские войны делали всё возможное, и даже, казалось невозможное, что бы остановить врага, и преградить его путь к Москве. И слова политрука Василия Клочкова – «Велика Россия, отступить некуда – позади Москва» - стали тогда девизом всех защитников столицы.

Первый серьезный бой наш полк принял на станции Южная Смоленской области в трехстах с лишним километрах от Москвы. Мы должны были преградить путь фашистам к столице. Но силы были неравными. С тяжелыми боями советские войска отступили. Но и отступая, наносили врагу удар за ударом, ослабляя силы противника.

Так мы дошли дог реки Истры. На рассвете 20 ноября противник начал атаку. Было видно: сначала замерцали огненные вспышки вражеских батарей. И смерч огня, осколков обрушился на наши позиции. А потом бешеный лязг гусениц, рев моторов оповестил о том, что в атаку пошли танки. Раздались взрывы снарядов. Задымил фашистский танк, вспыхнул другой. Но основная масса вражеских танков и автоматчики подходили все ближе к переднему краю обороны полка. И тут послышались залпы всей артиллерии дивизии. Фашистские автоматчики были отрезаны от своих танков, а танки все шли. И тогда над оборонительной линией прозвучала команда: «Стоять стеной! Покажем фашистскому гаду, где раки зимуют!»

Немецко-фашистские войска продолжали отчаянно штурмовать наши оборонительные рубежи, нащупывая слабые участки. Несколько суток мы сдерживали натиск противника. И всякий раз, когда вызывал по телефону командир дивизии Белобородов, ему отвечали сорванным до хрипоты голосом: «Держимся, товарищ полковник».

К началу декабря советские войска получили подкрепление, в результате перед контрнаступлением, мы располагали значительными силами.

Замысел советского наступления под Москвой состоял в том, что бы ударами с флангов отбросить немцев от столицы и в дальнейшем перейти к решительным действиям. Этот замысел был осуществлен. Враг делал все возможное, чтобы остановить продвижение советских войск. В ход были пущены авиация, пехота, танки, артиллерия; саперы, не жалея, разбрасывали мины. И все - таки натиск советских войск вынуждал немцев оставлять один рубеж за другим.

Это наступление богато примерами героизма и растущего от боя к бою воинского мастерства. Наши бойцы смело атаквали врага. Каждое соединение, часть, подразделение имели своих героев.

Например, Александр Буторин – замечательный парень. Весельчак, с Украины. Он был наводчиком орудия. При наступлении наших войск по взятию поселка Домодедово, в котором крепко засели фашисты, нам пришлось жарковато. Здесь у фашистов был сформирован мощный оборонительный рубеж. Несколько раз мы атаквали, но все безуспешно. Тогда наводчик Александр Буторин под прикрытием нашей артиллерии прорвался к немецкому орудью, уничтожил вражеский расчет и, развернув его в сторону врага, открыл огонь. Орудие стояло с фланга, фашисты никак не могли ожидать, тем более из своего же орудия, огня. Их замешательство, которому послужил этот героический поступок Буторина, в дальнейшем решило исход боя. Но сам Саша в результате прямого попадания снаряда в орудие, остался без ног».

Лисаковская новь № 15 от 23 февраля 1983 г.

64.Смоляков А.

«Фронтовые дороги».

Великая Отечественная для меня прошла в составе первого Украинского фронта— возил гвардейский миномет. Боялись фашисты грозного оружия. И охотились за ним. Приходилось постоянно маскироваться, менять места стоянок, закапываться в землю. Был участником боев за Харьков, Киев, Полтаву, Днепр, Одер, Берлин. Нелегки военные дороги, каждый метр пути давался с боем. Может быть, именно поэтому и вспоминаются отдельные боевые эпизоды.

Лисаковская новь № 84 от 6 ноября 1977 г.

«В боях за острова».

Территорию эстонской ССР Красная Армия освободила в сентябре 1944года.наша часть тяжелой артиллерии, в которой я служил, прошла с боями от Пскова до берегов Балтики и теперь ей предстояло форсировать море и высадиться на острова Саремо (Эзель), Хиума (Даго), Муху, которые являлись стратегическими пунктами, а Саремо – военно-морской базой противника в балтийском море.

В течение суток мы готовились к переправе, однако разбушевавшееся море не давало возможности высадиться на берег острова. Были и другие сложности: не хватало плавсредств и для переправы использовались обыкновенные спаренные понтоны с деревянным настилом, а буксировали их торпедные катера. Противник знал наши намерения и пытался всеми силами помешать высадке десанта. С этой целью фашисты использовали свой военно-морской флот и самолеты бомбардировщики. Корабли противника каждую ночь обстреливали наш берег и наносили нам большой урон в живой силе и технике. Некоторых наших товарищей артиллеристов мы похоронили на берегу моря. И вот наступило время форсировать морскую преграду. Хорошей погоды мы так и не дождались. Война не ждет, а море есть море, оно покоряется только сильным и смелым. После артиллерийской подготовки (нам помогали «Катюши», корабли Балтийского флота и самолеты), мы быстро погрузили технику на понтоны. Навсегда запомнился момент, когда мы отплыли от берега на 6-7 километров и неожиданно в небе появились немецкие самолеты. Что бы уменьшить возможность попадания, на катере отрубили буксирный трос, и мы оказались одни, без управления, в пучине разбушевавшегося моря. У нас не было никаких спасательных средств. Понтонный мостик бросало волной из стороны в сторону, не выдерживали крепления тяжелых пушек и тракторов, однако войны боролись со стихией, не прекращали работу по креплению на многокилометровом пути переправы. Многие наши ребята впервые встретились с морем и трудно выдерживали килевую и бортовую качку. Особенно плохо переносил ее артиллерийский мастер Саша Колосов. Когда понтоны с тяжелой артиллерией подходили к берегу острова, пехота уже успела там закрепиться. Но противник упорно сопротивлялся. Огонь своей артиллерии он направил против наших катеров, пытаясь поджечь их пока они еще не достигли берега. Нам было досадно, что нельзя стрелять, так как пушки находились в походном положении. И все-таки артиллерия сумела сходу вступить в бой. Немцы не выдержали нашего огня и бросились в бегство, оставляя свои орудия, боеприпасы и снаряжение. В течении нескольких дней мы освободили остров Муху и Хиуме. Однако остров Сарема. Враг всеми силами старался удержать. Противник располагал большим количеством пехоты, артиллерии. Танков и самолетов, а так же силами военно-морского флота, в том числе и подводными лодками. Несмотря на большие потери, гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. В обороне участвовали войска «СС» и «СД»- их называли батальонами смертников. Так например когда наши войска ворвались в порт - последний опорный пункт противника на острове, гитлеровцы отстреливались из автоматов, находясь по пояс в морской воде. Об усиленном сопротивлении немцев на острове говорит такой факт: если всю территорию Эстонской ССР мы освободили в течении месяца, то остров, длиною 120 километров и шириной

местами 3-4 километра мы освобождали 70 дней. Почти каждодневно шли жестокие бои. Признаться в то время мало кто из нас верил что вернется на «большую землю». Гитлеровцы предприняли на острове контрнаступление, бросив бой большое количество танков и самолетов, за успешное отражение танков противника в октябре 1944 года я был награжден «орденом Славы». В боях за освобождения острова Сарема погибли мои боевые товарищи, с которыми я прошел тысяча километров фронтовых дорог.

25 ноября 1944 года остров Сарема был полностью освобожден от противника и впервые дни, когда еще гремели бои, мы не могли сразу привыкнуть к тишине. Но потом мы по- настоящему и смогли оценить богатую природу острова. Леса, да какие! Столетние дубы, ели, сосны, пихты и кедр. Теперь этот прекрасный остров пришла мирная жизнь.

К.Старунов участник боев за освобождение островов Прибалтики, бывший артиллерист-разведчик.

Лисаковская новь № 30 от 16 апреля 1975 г.

66.Страх Л.

«Ценность жизни».

Лидия Александровна Страх-училась я на четвертом курсе медицинского, когда началась война. Думала, после войны закончу, да семья , дети, а сейчас жалею.

Мы, помню, - все рвались туда где потрудней, думали о том, какое будет будущее ждет нашу Родину. И вот, когда немцы на нас пошли...Ведь какой стеной поднялись, сколько ненависти, мужества надо было иметь, что бы все это вынести и выстоять.

Однажды мы получили задание раскопать братские могилы, что бы узнать, сколько расстреляно. До сих пор перед глазами женщина еврейка. Голова опущена , сама она на коленях стоит, а руки судорожно прижимают к себе две дестские головки...Много страданий принесла война. Но ведь с другой стороны именно на войне познали люди цену настоящей доброте, отзывчивости, честности.

Лисаковская новь № 37 от 8 мая 1970 г.

67.Страх Г.

«Ценность жизни».

Нас тогда помню , в разведку послали , языка прихватить. Часового мы сняли, понимаешь, а в блиндаже то, немцы и вокруг не души. Вот и стали меня ребята подговаривать. Давай мол гранатами забросаем, человек сорок прикончим, шутка сказать . Ударила нам, шальная мысль в голову, И правда забросали. Да только , когда я хотел

проверить , спустился вниз в блиндаж , а меня немец за грудки. Ну, думаю черт с ним,погибать так погибать-сунул в него гранатой, а оно вишь , как обернулось- волной товзрывной меня , понимаешь, и отшвырнуло. Очнулся уже в гспитале.Помню , нас трое было- голодные страшно, а попросить хлеба стеснялись.Собрали все свои пожитки , из одежды кое- что полотенцы там и прочее, зашли к одной женщины.Мол не обминяете ли она на хлеб.Она улыбнулась , завела нас в комнату напоила , накормила. Мы такие довольные ,веселые, только смотрим а она плачет. Оказывается у нее отца,мужа и дочь убили. В один день три извещения пришли. Вы представляете?

Супруги Страх , по натуре романтики.Ищут где потруднее , где интересней.

После войны , Западная Украина , борьба с бендеровцами, потом целина-Казахстан.

Лисаковская новь №37 от 8 мая 1970 г.

68.Суржко Г.

«Сердце, распахнутое настежь».

Георгий Романович Суржко - директор Лисаковской средней школы.1943 год. Тем, кто в этот далекий год распрощался с юностью и подал руку зрелости, он помнится очень отчетливо. Гриша Суржко в 10 классе был призван защищать Родину. После кратковременной подготовки - фронт. С его суровыми буднями, маленькими радостями в короткое время передышек . 9 мая 1945 года пал Берлин. Весь мир оповещен о победе. По разному на фронте встретили это радостное событие. Одни, успев помыться и переодеться – за праздничным столом, другие, смертельно устав после боя, в это время спали на своих рваных плащ – палатках. Спали так, что не просыпались даже тогда, когда их приподнимали и встряхивали, что бы узнать, кто же из них жив, а кто мертв. Полк, в котором служил Георгий Романович продолжал воевать.

Лисаковская новь № 2 от 5 марта 1969 г.

69.Терещенко Г.

«За личную храбрость».

Григорий Евлампиевич Терещенко - старший сержант, командир танка. Его экипаж, освобождая город Симферополь, проявил себя храбрым и находчивым.

...Укрепленный рубеж под Гродно гитлеровское командование считало неприступным. Глубина немецкой обороны достигала здесь около двадцати километров и была насыщена множеством минными полями и проволочными заграждениями. На рассвете 28 октября 1943 года по вражеским позициям был нанесен мощный удар. Гродненская земля задымилась и окуталась клубами черного дыма. Экипаж старшего сержанта Терещенко наступал на левом фланге полка. В его задачу входило – выбить

фашистов из первой линии и занять позицию в расположенном неподалеку селе. Трудно было танкистам. На их пути непрерывно «оживали» огневые точки противника, вспухали у самых гусениц взрывы, дважды экипаж попадал в критическое положение. К исходу второго дня танки, взаимодействуя с пехотой, овладели селом. Десятки разрушенных дотов, уничтожено около ста фашистов.

Казалось, все было хорошо, но в это момент его ранило, прервалась связь. Большие потери понесли соседние экипажи, а подкрепление еще не подошло. Положение становилось безвыходным. Григорий Евлампиевич понимал, что от их операции зависело многое. Задача стояла – любой ценой удержать рубеж, и она была выполнена. За личную храбрость, инициативу и умелое руководство боем Старший сержант Терещенко награждается медалью «За отвагу».

Лисаковская новь №37 от 8 мая 1972 г.

70. Тимошенко И.

«Крым, май 1944 –го года»

В октябре 1941 года фашистские войска начали операцию по захвату Крыма. В ноябре враг подошел к Севастополю. Здесь проходили ожесточенные кровопролитные бои. Защитники Севастополя 250 дней сдерживали значительные силы врага, что не давало ему возможности использовать их на других участках. Только 4 июля 1942 года наши войска оставили Севастополь, но фашисты не сломали воли, стойкости защитников Крыма. Они героически продолжали борьбу и в тылу врага.

В конце декабря 1943 и впервые месяцы 1944 правобережная Украина была в основном освобождена от немецкой чумы. Пришло время разгрома гитлеровцев в Крыму. Выполнение этой задачи было возложено на войска 4-го Украинского фронта, которым мужественно помогали партизаны.

Мне в то время пришлось находиться в одной из частей 2-й гвардейской армии, которая прибыла в Крым из-под Днепра. 8 апреля 1944 года рано утром около трёх часов по вражеским позициям вела огонь наша артиллерия, с воздуха – лётчики. После этого войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление со стороны со стороны Перекопского перешейка.

«Неприступная» оборона врага была прорвана, и не только со стороны Перекопа, но и в других местах. Советские войска с боями продвигались к Симферополю, Евпатории и по всему Южному берегу Крыма.

5 мая войска нашей 2-й гвардейской армии начали наступление на Севастополь с его северной стороны, а через два дня главные силы фронта перешли к штурму севастопольских укреплений.

Особенно тяжёлые бои шли за Сапун – гору, которая была сильно укреплена. 9 мая 1944 года советские войска прорвались к окраинам Севастополя. Город русской славы был освобождён.

Освобождение Крыма завершилось в мае полной победой советских войск... фашисты потеряли здесь свыше 100 тысяч солдат и офицеров. 35 дней потребовалось советским войскам для освобождения всего Крыма. Враг не смог взять Севастополь за 250 дней, а наши войска освободили его за 5 дней.

Советское правительство высоко оценило подвиг, совершенный в Крыму советскими войнами. Тысячи солдат. Офицеров, генералов были награждены орденами и медалями, 126 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза.

В наши дни во всех городах Крымской области обелиски Славы, горят вечные огни в память о тех, кто на Крымской земле совершил подвиг во имя свободы и независимости нашей Родины.

Лисаковская новь № 34 от 8 мая 1984 г.

71.Фадеев М.

«Помогла солдатская дружба».

Война застала меня в рядах Красной Армии. Служил я тогда на границе с Румынией. С первых же дней войны наша 25 стрелковая дивизия им. Чапаева оказалась на передовой. Помню, как в 2 часа ночи, когда только начинало светать, дежурный поднял нас по тревоге, и мы узнали, что началась война. В тот день осколком бомбы убило моего друга. Потом много было потеряно в боях фронтовых товарищей, но то была первая потеря, а потому помню я ее до сих пор особенно остро.

Мне довелось служить в разведке. Однажды был случай, когда мы, разведчики втроем захватили пятерых пленных. Дело было так. Отправились мы за языком. Пошли через кукурузное поле. Вдали виднелся лесок, в котором засели немцы. До темноты решили укрыться в стоге сена. И обнаружили, что там замаскирована пулеметная точка. Мы зарылись в солому и стали ждать. Пришли пулеметчики. Один стоял на страже, а четверо отдыхали. Выбрав удобный момент, мы бросились на них и, воспользовавшись смятением. Связали всех и привели в свой штаб. Помогла нам находчивость, ловкость, а больше всего – чувство товарищества. Мы понимали друг друга с полуслова. В самый опасный момент каждый думал не о себе, а о своих товарищах. Да, этим сильна наша армия - крепкой солдатской дружкой.

Рядом со мной сражались русские, украинцы, белорусы, казахи, татары, узбеки - люди самых разных национальностей. И все были одинаково мужественными, стойкими. Вместе с нашей интернациональной армией - освободительницей прошел я Румынию, Венгрию, Югославию, Австрию, германию. Красная Армия защищала не только свой народ, она освободила от фашизма нынешние страны социализма.

Лисаковская новь № 15 от 23 февраля 1977 г

«На войне, как на войне».

Марк Прокопьевич Фадеев - 18 танковый полк расположился у небольшого хутора, за которым виднелся лесок. Немецкие пулеметчики постоянно несли здесь боевую вахту. Но не столько пулеметчики были преградой на пути танкистов, сколько незнание обстановки тормозило дальнейшее продвижение. Когда Марка вызвали в штаб, командир звена разведчиков прекрасно понял стоящую перед ним задачу: нужен «язык». Любой ценой. А впрочем, на войне, как на войне: здесь каждый шаг солдата оценивается жизнью - двух же жизней ему не отпущено. Три дня наблюдала тройка разведчиков за передвижениями в стане врага. Много ли увидишь в кромешной тьме? Днем противник вел обычную перестрелку, и лишь ночью там начиналось не понятное оживление. И все же разведчики смогли нащупать слабое место. Как только надвигались сумерки, к стогу сена у хутора подкрадывалась группа фашистов. Оттуда она вела наблюдения за танковыми подразделениями русских. О малейшем передвижении советских танков противник оповещал тут же. Решение было рискованным, но верным. Днем, когда бдительность врага притуплена, подобраться к стогу и там ждать прихода фашистских наблюдателей.

Действовать только наверняка. Осуществить первую часть операции удалось без особого труда: расчет на потерю бдительности врага оправдался. Зато потом, когда разведчикам удалось спрятаться в стогу, для них потекли томительные и тревожные минуты ожидания. Погода внезапно, испортилась. Подул сырой, пронизывающий ветер. По телу то ли от холода прокатывалась неприятная дрожь. Ребята напряженно всматривались в темноту, и все же появление темных силуэтов было неожиданно... Они словно выросли из под земли. Пригибаясь, трое фашистов бесшумно тащили за собой пулемет. Четвертый, ракетчик, едва его сообщники установили грозное орудие, дважды выстрелил в небо, сообщая, очевидно, своим о благополучном прибытии на место. Ребята буквально затаили дыхание. Сейчас от их осторожности, умения до поры скрыть свое присутствие зависел успех дела.... Ночь была холодна для всех. Несладкой, по – видимому, она показалась и фашистам. Вскоре трое из них попрятались в вырытых в сене норах. Четвертый добрых два часа топтался у пулемета, а потом и он не выдержал, нырнул в спасительное тепло.- Хенде хох! – полной неожиданностью для ошалелых гитлеровцев прозвучала команда Марка Фадеева, и трое советских солдат, словно с неба свалившись, наставили на врагов дула автоматов. Пленники не сопротивлялись. Пропустив их вперед и прихватив трофейный пулемет, солдаты возвращались с боевого задания, позабыв о недавних страхах, о холоде.... Порадовать родных и близких он сумел лишь спустя время. Вражеская пуля, вонзившись в бедро, обожгло тело. В госпитале узнал, что за операцию по захвату «языка» Родина добавила к уже имевшейся боевой награде солдата - ордену Славы третьей степени еще одну- орден Красной Звезды.

Лисаковская новь №36 от 8 мая 1974 г.

«Броня Фадеев».

Петр Емельянович Фадеев - Танк его подбили сразу. Два снаряда подряд. Оба – прямое попадание. Сначала в башню. За спиной запах гари, обожгло спину. «Горим», понял он и рванул рычаги: «не стоять главное пробраться к своим». «Живы?! Живы?!»- кричал он, не обворачиваясь. Никто не отвечал. Экипаж молчал, а танк... не слушал управления.... Вторым снарядом разбило гусеницу. Он остался в живых один. Машина стала грудой металла, могилой боевых товарищей. Он выскочил из горящего танка. До своих рукой подать, но и немцы - вот они... Пехота, автоматчики. Рванул с пояса связку гранат, метнул за танк и кинулся вперед. А пули догнали, обожгло ноги. Госпиталь. И снова бои. Сквозь смотровую щель он почти ничего не видел от дыма. Горели танки – чужие, свои. Пот застилал глаза, броня дышала жаром. Три «тигра» вдруг одновременно попали в узкую прорезь смотровой щели. Три. Свернуть? Все равно расстреляют в упор. Он пошел в «лобовую» Два ушли в сторону, оставив их один на один. «Тигр» подкинуло, завертело на одной гусенице. Его орудие за мгновение замолчало. Этого мгновения оказалось достаточно. Словно слившийся воедино с машиной он бросил ее вперед. Немцы не ожидали такого. Петр вплотную поставил свой танк у «тигра» Теперь стреляй не стреляй русские танкисты в безопасности. Ствол «тигра» беспомощно навис над машиной.

А у него созрела новая мысль. Петр вылез в нижний люк и вот. «Немец взят на буксир». Руководивший боем генерал прирос к биноклю. Изумленный, сквозь клубы дыма он пытался определить, что же там - кто кого тянет: наш «тигра» или наоборот. Что за смельчак такой? «Трофей» оказался знатным. Благополучно дотащил его на свою территорию несмотря на то, что внутри «тигра» ожили и активно пытались воспрепятствовать нежелательному маршруту. Когда немцам стало не вмоготу сидеть в раскалившемся на солнце танке, они изволили выйти, красноречиво подняв руки. Обер лейтенант, ефрейтор... Обер- лейтенант оказался танковым асом. Всю Европу прошел. Первым вопросом, который он задал на чистейшем русском языке был: «Покажите мне того танкиста который захватил нас» Петр тоже с любопытством смотрел не своего пленника. Обер- лейтенант снял с руки золотые часы и потянул Петру. Вспыхнули уставшие глаза танкиста насмешкой непримиримостью. «За свою, выходит гибель награждаешь - хотел сказать фашисту.- так мы вас и без наград перебьем» Сдержал себя повернулся и ушел.

Свою награду он получил позже, из рук Советского генерала, который с тех пор стал называть его Броня Фадеевым. «Как - бывало, спросит после боя, - Жив Броня Фадеев? Жив? Ну, значит порядок». Он вручил Петру Емельяновичу орден Красного Знамени. Прикрепил его командир рядом с медалью «За отвагу». История ее тоже интересна. Танковая рота стояла на кратковременном отдыхе под Кривым Рогом. Петру Фадееву выпало ночное дежурство. Все тихо, спокойно. Спят уставшие танкисты. Даже рыскающие в небе вражеские самолеты не тревожат никого. «Летайте, летайте,- злобно думает он. Попробуйте разглядеть что –нибудь». В расположении танкового дивизиона ни огонька, ни шороха. И вдруг.... Из ближайшего леса- ракета! Замер только на мгновение. И уже на бегу увидел - еще. Через минуту он поднял на ноги дежурного

офицера и, докладывая на бегу, рванулся к лесу. Благодаря его расторопности наводчики, оказавшиеся переодевшимися немцами. Были захвачены, что называется, тепленькими. Тогда и был награжден медалью «За отвагу».

Лисаковская новь №37-38 от 11 мая 1973 г.

74.Фадеев П.

«Май 1944».

Почти месяц мы выбивали немца из Будапешта. Наши войска ушли далеко вперед - их путь лежал на Берлин. Мы откровенно сожалели, что не будем рядом с теми, кто добьет врага в его логове. Шли последние дни апреля 1944 года.

- Завтра 1 мая, а мы в 4 утра идем в бой,- сказал, кто- то из бойцов и я представил, каким был бы праздник, не будь войны. Весна даже здесь, на чужбине, вызывало какое - то волнение, настраивало совсем не на военный лад. Богата природа Венгрии с ее множеством садов, виноградников. Событие военных лет, связанные с этой страной - моя память.

...Ранним первомайским утром мы вступили с немцами в тяжелый, долгий бой. Экипаж наш - командиры машины и танка, и я механик-водитель, был уже спаянным и испытанным, мы с полуслова понимали друг друга.. Все мы прошли не один километр по фронтовой дороге, всякое пережили, многое перевидали, но тот бой нам казался особенно тяжелым. Один за другим появлялись перед нами «Тигры», будто из земли вырастали, но миф о неуязвимости немецких машин был уже забыт нами. То здесь- то там взметались ввысь огромные столбы, кострами горели танки со зловещими крестами на броне. Мы тоже успели подбить несколько танков. От постоянного грохота в ушах стоял шум, начинало подташнивать от недостатка свежего воздуха. Неожиданно откуда- то сбоку появился «Тигр», я ощутил сильный удар в броню. Машину нашу накренило на бок, все заволкло дымом. Едва я пришел в себя, как увидел – прямо на нас движется еще один «Тигр».

- Танк, идет!- кричу командиру. Прямо на нас! Командир! Командир!

Мне никто не ответил: погибли оба... А танк удалось - таки подбить. Приблизился к нему вплотную, вылез из нижнего люка, зацепил оставшегося без гусеницы «Тигра» и потащил его за собой. Около 800 метров пришлось пройти прежде, чем я оказался у своих. Как выяснилось позже, за этим необычным шествием наблюдал с КП командир полка. Видеть- то он видел, да не мог понять, кто кого тащит. А когда разобрался во всем, шагнул ко мне, хлопнул по плечу:

- Молодец, танкист! Только где пленные- то?

- Не хотят вылезать. Сидят, ждут.

- Ничего, надоест - вылезут. Так оно и случилось. Примерно через час открывается люк и – трое фашистов с поднятыми руками. Очень пригодились нам «языки» эти. В этот день меня и представили к ордену Красной Звезды. А вечером в нашу часть пришли посылки. Из дома из России. Их раздали в качестве поощрения лучшим бойцам. Помню, мне достались духи- и я был очень доволен, потому что был молод. В записке, которую нашел в посылке, я прочитал: «Дорогой воин! Крепче бейся с врагами, мы помним о тебе...»

Такой вот он и был, Первомай 44 года. Сколько уж весен прошло с того времени, а в памяти живет Будапешт военных лет: развалины и зеленая травка, выбивающаяся из взрыхленной снарядами земли; разрушенные дороги и цветущие яблони; горечь утраты и вера в светлое будущее завтрашнего дня.

Лисаковская новь № 34 от 30 апреля 1976 г.

75.Федоров А.

«Первый бой».

Для меня первый день сражения на Курской дуге врезался в память на всю жизнь еще и потому, что это было первое мое боевое крещение. 3 июля наше подразделение в составе 257 пехотного полка разместили на боевых позициях неподалеку от станции Прохоровка, ставшей затем известной всему миру.

Два дня (3-4 июля) были обычными буднями. Мы занимались своими солдатскими делами: чистили оружие, обживали окопы, слушали политбеседы. Офицеры нам разъясняли, что ожидается крупное наступление врага. И вот наступило утро 5 июля. Орудийная канонада слышалась со всех сторон, но на нашем участке все было тихо. Около девяти утра мы заметили, что в нашу сторону движется небольшая колонна вражеских грузовиков. Дали об этом знать артиллеристам, те открыли огонь. Два грузовика запылало, остальные, круто развернувшись, умчались. И вот минут через двадцать появились танки фашистов. Они находились примерно в полутора километрах, и их нетрудно было сосчитать. Шло двадцать «тигров». Расстояние сокращалось, наступал грозный час боя. У меня кроме автомата, шесть гранат – 2 противотанковых, остальные противопехотные. Слышу резкие хлопки - начали вести огонь расчеты ПТР. «Тигры», не обращая на это внимания, ползут к нашим траншеям. Один из них от меня в метрах в тридцати. Резко поднимаюсь, швыряю в лязгающую громаду металла гранату. Присев в окопе, слышу ее взрыв, но через несколько мгновений над головой раздался ужасный грохот. Видно, не досадил я фашисту своей гранатой, но остался невредим и теперь пытается разделаться со мной. Гусеницы в развороте со мной. Гусеницы в развороте крошат стенки окопа, стало трудно дышать. К счастью грунт оказался твердым, каменистым... Живым я выбрался из этой переделки, одним словом. А товарищи считали меня погибшим. Юра Головницкий, например. Он был ранен в этом бою. Его отправили в госпиталь. Оттуда он написал моим родителям об обстоятельствах гибели их сына. Позже Юра возвратился в родную часть и встретил меня в полном, как говорится, здравии. Вот таким для меня оказался первый день боя, первый памятный день грандиозной битвы на

Курской дуге. Потом были и другие бои, погибали мои товарищи, а мне выпало счастье жить. Жить в той счастливой жизни, за которую они пали на полях сражений. Вечная им слава!

Лисаковская новь №15 от 21 февраля 1975 г.

76.Фоменко М.

«Памятью и надеждой».

От Старой Руссы до самого Берлина прошел красноармеец Михаил Фоменко. В июне 1941 года, в первые дни войны был он призван на фронт из поселка Щербиновка Тарановского района. Сразу попадает в танковый полк при кавалерийском корпусе и остается верным ему до конца войны. Первое боевое крещение получил рядовой Михаил Фоменко в боях под Старой Руссы.

Не обошлось без ранения и лечения в госпитале.

Затем были бои под Ленинградом, в Белоруссии, Западной Украине. В 1943 году участвовал в освобождении Польши, а в 1944 – в боях на Эльбе.

Весь фронтовой путь прошел разведчиком.

Тяжело сейчас вспоминать эти суровые, залитые кровью годы. Память не покидают фронтовые друзья. Их много в Иркутске и Омске, Свердловске и Кемерово, в Москве и Ленинграде. А сколько не вернулось!

Весть о победе застала его в Бернау, германском городке, где он лежал в госпитале. А демобилизовался лишь осенью. Дома его ждали жена и две дочери. Вновь вернулся на родную землю, в любимую семью. С гордостью встретили его здесь. Ведь на груди его блестели два ордена – орден Славы III степени и орден Красной Звезды, медали и значок «Отличный разведчик». А позже к ним прибавился и орден Отечественной войны II степени.

Есть у Михаила Михайловича и светлая надежда в жизни это внук Михаил. Он сейчас в рядах Советской Армии. А, уходя на службу три месяца назад, пообещал деду не подвести его.

Лисаковская новь № 36 от 8 мая 1991 г.

«Сполохи».

А. Хоменко - Я родился и вырос в Ленинграде. Как сказать вырос? 15 лет- сейчас вроде бы и не годы для молодого человека .А тогда в 1941 многие ребята в таком возрасте с Кировского завода, где я работал, взяли автоматы. В их числе был и я. Впрочем, и здесь нельзя провести какую- то особую параллель между тем временем, когда я стоял за станком, и временем, когда получил оружие и стал солдатом. Наш завод выпускал танки, и этим все сказано. Воевал весь город, все население от мала до велика. Раненые, и те не оставались в палатах. Помогали всем, чем могли. Смотришь - заняты на разгрузке продукции. Голодные, измученные - а стараются изо всех сил. Это был какой- то бешеный ритм на пределе. И который, привел в конечном итоге к победе. По себе знаю. Ранило в первый раз. Подлечился – и тут же снова через некоторое время в бой. Сейчас даже, кажется, что госпитали для многих из нас были, чуть ли не армейской палаткой, где лишь отдохнул день- два. Так и было на самом деле. Отдыха никто не ждал. Да и не хотел. Одно было на уме, в сердце - выстоять. И этот миг наступил. Блокада была прорвана. Для меня эти дни больше всего запомнились. Запомнились своей трудностью, Наши войска разбили фашистское кольцо, сжавшее Ленинград, и перешли в наступление. Но противника надо было держать, что бы, это движение не остановилось. Шесть дней на пяточке за Невой в районе станции Мга и 8 ГЭС творилось, что- то невообразимое. Конца я не помню - контузило и тяжело ранило. В довершение ко всему еще и обморозил ноги. Но задачу мы выполнили – не дали врагу снова сжать кольцо на нашем участке. Пятачок был полкилометра в длину и столько же в ширину. У нас в городе такое пространство занимает три четыре дома. Каков был бой (он не прекращался ни на одну минуту ночью шел при свете ракет) говорит тот факт, что наш батальон пополнялся 6 раз, не меньше. Но пяточок защищали ленинградцы. А им было не привыкать к испытаниям. Перенесшие свирепую зиму, голод - они знали, что такое блокада, знали, что будет с городом, если кольцо сомкнется вновь. Как и сейчас стоит перед глазами лейтенант. Хорошин, молодой коммунист, он не стоял на ногах от усталости , но успевал и старым солдатам что – то одобрительно крикнуть, и молодого подбодрить. Накрыло его миной в воронке.... Батальон принял сержант. И вроде не уходил Хорошин- разве что глаза у нового Хорошина злее стали: это было уже на пятые сутки.... И еще запомнились краснофлотцы, На всем протяжении блокады они были своего рода острием всех ударов по врагу. Как – то отличались они по сравнению с другими своей отзывчивостью, добротой. Последний хлеб отдавали ленинградцам. Даже поговорка была у них «война, делить не чего».

...Давнее дело – Великая Отечественная. А сполохи от нее до сих пор освещают дела наши.

Лисаковская новь №36 от 8 мая 1974 г.

78.Шавва И.

«Незабываемая встреча».

Когда мы, бывшие курсанты Свердловского пехотного училища, из которых должны были подготовить средних командиров, прибыли в Сталинград, города, как такового, уже не было. Вместо него – одни развалины, да всюду бушевали пожарища. Поздним вечером нас перевели через большой глубокий овраг, что проходил вблизи завода «Красный Октябрь» и здесь мы заняли оборону. Там шли, ежедневные непрерывные ожесточённые бои. Нам приходилось защищать не только подступы к заводу, но и каждый квартал, каждый дом – развалину и, нередко, лестничную площадку. Боевой день начинался с появлением в небе фашистских разведчиков. Это были двухфюзеляжные самолеты, которые мы называли «рамами». Они ходили низко, высматривая расположение наших позиций, уцелевшие объекты промышленности, и радировали на свои аэродромы. И тут же, через каких –нибудь 10-15 минут, партии в 15 – 20 самолётов начинали бомбить наши позиции и промышленные объекты. Таких заходов за день бывало по 8-12 и более. В перерывах между бомбёжками вражеская пехота с автоматчиками переходили в наступление с целью захватить работавший завод, выпускавший танки. За день приходилось отбивать по десятку и более атак.

АВОД защищали не только мы, красноармейцы, но и городские ополченцы, большей частью рабочие завода. В один из таких дней, это было в октябре, после очередной бомбёжки, на нашу оборону впервые двинулись фашистские танки. Шли они, облепленные автоматчиками, медленно, словно чего –то опасаясь, в две шеренге, по четыре в каждой. Стреляя по нашим окопам, своим огнём и гулом они наводили ужас и сеяли панику. За ними, перебежками, двигалась немецкая пехота. Ни мы, никогда не видевшие их в бою, 18-19 – летние ребята, ни ополченцы боевых действий с танками еще не вели, да и в руках каждого из оборонявшихся кроме боевой винтовки и, в лучшем случае, ручной гранаты, ничего не было. Понимая, что с таким оружием вступать в борьбу с танками – пустая затея, ополченцы дрогнули и, выскочив из своих окопов, бросились к спасительному оврагу, зная, что для танков это непреодолимое препятствие. Вслед за ними, поддавшись панике, побежал и взвод стрелков, стоявший в обороне с левого фланга. Выбежавший вперед лейтенант пытался остановить свой взвод, но тут, же замертво упал, сраженный автоматной очередью.

Заметив панику, танки и автоматчики усилили огонь, сея смерть между бегущими. Не сдержался и наш пулемётный расчёт.

Лисаковская новь № 22 от 21 марта 1995 г.

79.Шиляев А.

«В те трудные дни».

Война- это большая часть моей жизни. И никак ее не зачеркнешь, не вычеркнешь из памяти. Кажется, уж так давно все это было, давно наступила мирная, спокойная

жизнь, а нет- нет, да и нахлынут воспоминания, вспомниться и хорошее, и плохое. На войне ведь люди тоже жили: радовались, мечтали, шутили, смеялись. И умирали.... Призвали, меня в 1943 году семнадцати лет отроду. Сначала в училище в Миассе - должны были готовить командиров взвода, потом перебросили в Москву- специализировались на ракетных установках. Но и здесь мы не доучились.

Время такое- фронт требовал людей. И вот в ноябре 1943 года мы впервые попали на передовую. Это было 40 километрах от Киева. Сам город уже взяли наши. Ну, и началась самая обычная фронтовая жизнь. Для нас она тогда была обычной. Это сейчас думаешь - сколько же горя, страданий выпало на долю того поколения, как сумел народ выстоять, выдержать, когда немцы уже были под Москвой побывали! И не просто выстоять, а набрать силы, чтобы освободить свою землю, загнать и уничтожить врага в его же логове! А тогда мы просто воевали. Нашу бригаду перебрасывали с места на место, Мы в шутку говорили меж собой - «Все равно, что пожарные». Как где-то надо прорвать фронт - так нас туда. Это и понятно. Немцы боялись гвардейских минометов как огня. Со своей бригадой - называлась она гвардейская Краснознаменная Тернопольская орденов Суворова и Кутузова- я прошел до самого Берлина. А победу мы встретили в Праге - прибрали нас туда для ликвидации крупной фашистской группировки. Едем мы ночью. Уже под утро я задремал. Вдруг - стрельба. По фронтовой привычке, понятно, сразу вскочил: кто? Где? Откуда? Оказывается, все – войне конец.... Надо ли говорить, что многие не вернулись с фронта? Ведь каждая семья у нас познала горечь утраты близких. От нашего призыва (43 чебловека) осталось в живых 12-13. Со многими я встречался после войны. Двое моих однополчан живут в Южном Уральске, один из нашей батареи - возле г. Пласты. Нельзя не вспомнить тех, с кем перенес все тяготы войны.

Лисаковская новь № 33 от 5 мая 1978 г.

80.Штейн Г.

«Забыть историю - потерять себя».

Ему было семнадцать лет когда началась война. Неполных семнадцать вихрастому, неокладному в своей худобе мальчишке с твердым, не по детски, рисунком губ, упрямым взглядом серых глаз. Самой жгучей его мечтой было стать летчиком-истребителем...

- Фамилия помешала, - шутит сейчас пожилой человек. Григорий Михайлович Штейн, в котором несмотря на годы, сохранилась военная выправка, подтянутость и тот же упрямый твердый взгляд. Говорит с улыбкой, а на глазах – слезы. Столько ж велика была обида, если до сих пор ноет, болит сердце от того, что не посчитали его своим советским человеком, в то время из-за фамилии. А тогда мальчишкой он никак не мог уразуметь, за что его не пускают защищать родину, и рвался, рвался на фронт, оббивал пороги военкомата, накинул себе год, чтобы взяли в армию. А потом взял и написал письмо в Президиум Верховного Совета КазССР.

Так стал Григорий Михайлович солдатом направили его в военное училище и по окончании в 1942 году - на фронт, в минометное подразделение. И прошел он со своей частью всю войну – был дважды ранен, но всегда находил, возвращался в свое

подразделение. Имеет Григорий Михайлович четыре боевых награды, звание подполковника. Первую, самую почетную – медаль «За боевые заслуги», получил в том же 1942 году, то есть только прибыв на фронт. Шла атака, их несколько человек вырвались вперед. Заняли деревню, выбив из нее фашистов.

Однако оказались, отрезанными от пехоты артиллерийским заградительным огнем врага. Но не растерялись, из траншеи, по которой фашисты били точным прицельным огнем, перебрались в блиндаж. И продержались до подхода основных сил. Уже тогда у Григория Михайловича просматривались черты настоящего бойца – быстрота реакции, твердость, решительность, собранность.

За взятие Кривого Рога он был награжден орденом Красной Звезды. Затем – орденом отечественной звезды первой степени. Тогда дивизионная разведка отличилась – восемь выходов было и каждый успешный, добыли 8 «языков». Командир роты был представлен за эти успешные действия к званию Героя Советского Союза. А Г.М. Штейн командовавший минометным взводом, за отлично организованную огневую поддержку – к ордену.

За бой в Берлине Григорий Михайлович получил четвертую награду – орден Александра Невского.

День победы он встретил на марше – часть была срочно переброшена из под Берлина и Чехословакию. Для многих окончание войны было возвращением домой, к семье, к мирному труду. А Григорий Михайлович оставался в армии – в 1956 году вышел он в отставку, Армия стала его жизнью, еще и поэтому он с таким волнением говорит о сегодняшнем дне, о нынешних событиях.

- Сейчас много говорят об ошибках прошлого, о том какая была страна в те годы, - горячо, спорит Григорий Михайлович. – Я могу сказать одно: я видел смерть, и знаю за что люди шли на нее – за тот Советский Союз, который был, за Родину, которая всегда одна у человека. И не могу сказать, что она была плохой для нас.

Мне трудно не согласиться с ним. Время, история очистят все ненастное, выявят суть происходившего тогда, 45 лет назад. Но то, что эта была жизнь целого поколения – героической жизни, потому что оно вынесло на своих плечах все ужасы прошедшей войны и не сломилось – это нельзя забыть. И не оценить.

Вот они сидят рядышком, постаревшие муж и жена. Тайсия Степановна тоже ветеран войны. Убежав из под немецкой оккупации, восемь месяцев была она в партизанах, потом с госпиталем шла с действующей армией до самого Берлина. Там, в госпитале, и нашла ее любовь. Тем ведь и сильна жизнь, что несмотря на войну, лишения, она продолжается. Люди спасают раненных, берегут детей, любят. Только так можно победить. Юность, молодость этих людей прошла в огне пожаров, горя, страданий. Как тысяч и тысяч других советских людей, объединенных единым стремлением, желанием – выстоять, защитить страну. Такое не забывается.

Лисаковская новь №36 от 8 мая 1990 г.

81.Щур В.

«Им было 18».

Стало уже привычно говорить, что мы уже тридцать лет живем без войны. Но, они эти годы, были бы невозможны без того подвига, который совершил советский народ в годы Великой Отечественной. Вспоминаю я своих батарейцев. Это были 18-19 летние ребята. Рвались на фронт, боялись, что на наш счет войны не хватит - шел уже 1945 год. Хватило... Когда в пределах видимости перед нами появился рейхстаг, оставшихся от батареи, сформированной под Москвой, можно было на пальцах пересчитать. Из 30 дошли до Берлина около 10... Смерть всегда страшна. Но в, то время думать о ней было некогда. Это сейчас понимаешь трагизм происходящего, когда пули пробивали сердца несостоявшихся рабочих, ученых, музыкантов, наконец - несостоявшихся отцов. А тогда – вперед и вперед, добить фашистского зверя в его логове, отомстить за кладбище, оставленное на месте полей, городов и сел уползающим врагом. Первое боевое крещение мы получили под Кутно. Шли в головной походной заставе- 4 наших орудия и три танка. Знали, что первыми придется столкнуться с отступившим врагом. Но все, же несколько замешкались, когда врытые в землю «Тигры» начали вести по нам стрелочный огонь. Не растерялся расчет старшего сержанта Пасечника. Развернул пушку, и – в ответ. Отвлек внимание, а тут и мы изготовились. Но все равно – зима, на шоссе сошки не держат, выстрел, и орудие летит в кювет. А вражеские автоматчики уже близко... Потом после боя, мы поняли, что расчет Пасечника огонь вызвал на себя, оберегая нас, хотя и шел последним в колонне. Он, это расчет, и погиб полностью в этом бою, от прямого попадания. Затем был рейд по тылам фашистов. Где-то трое суток не выходили из непрерывных стычек с гарнизонами городов. Разумеется, и паники навели достаточно, фронт за добрую сотню километров, и в друг - на улицах советские солдаты!

Затем бой за Берлин... Мы, конечно, не знали, что идем по земле, где начнет строить свое будущее новая социалистическая страна- ГДР, а еще раньше, когда форсировали Вислу - Польская Народная Республика, но в каждом жило предчувствие этого будущего.

Лисаковская новь № 85 от 27 октября 1976г.

82.Яружный М.

«Дорогами славы».

Годы стерли в памяти имена, фамилии многих боевых друзей. Зато хорошо запомнилась бойцу кавалеристу старая церковь среди сугробов, в которой гитлеровцы справляли новогоднее молебствие в ночь на первое января сорок второго. До нее оставалось не более двухсот метров, когда старшина Михаил Афанасьев, осадив своего Гнедка на лесной опушке, подал нам условный знак: «Группа, ко мне!». Нас было двенадцать. Казахстанец Михаил Яружный, москвичи Леонид Васильев и Петр Ерофеев, волжанин Николай Карелин, другие бойцы. Все в белых полушубках, в накинутых на

шапки башлыках- капюшонах. Привязав поводья к заледеневшей сосне, несколько минут стояли молча. Вслушиваясь в ночную тишину, изредка нарушаемую скрипом сапог часового, да и наигрышами любимых им мелодий на губной гармонике.

- Тем лучше для нас. Подкрадемся к нему незаметно, - заметил шепотом взводный. Разбились на две группы. Одной поручили снять без шума часового, другой - занять позиции у дверей и окон церкви. Наготове ручной пулемет, автоматы, гранаты. Не первой была для меня эта вылазка, а сердце колотилось также гулко, как и в ожесточенной схватке на границе в первый день войны.

Залпом ударили очереди из дверей, окон, гулким эхом отдались под сводами церкви в окрестных лесах. Нажал на спусковой крючок и Михаил. Он слышал, как зазвенели выбитые в форточках стекла, как в поднявшейся суматохе раздались вопли и крики на не понятном картавом немецком языке: «Рус!..., Партизанец!»... Над головой просвистели пули, посланные в ответ. Михаил швырнул в окно «лимонку», пригнулся. И только теперь заметил повисшую в ночном небе над вражеской позицией зеленую ракету. Должно быть, подняли тревогу караульные.

- Все отходить к реке! Я прикрою огнем!- распорядился взводный. В этот момент содрогнулась земля от оглушительного взрыва снаряда. Фашисты открыли пальбу из орудий прямой наводкой. Превозмогая щемящую боль в ноге, Яружный отпрянул от окна. Несколько шагов пробежал, согнувшись, а затем, прижатый к земле автоматной очередью, пополз по - пластунский. Одолевала жажда. Молнией озарила мысль: только бы одолеть вот этот сугроб, за ним можно отдышаться, а может и встать во весь рост. Еще рывок, еще... Комом свалился за укрытие. Оглянулся. Откуда же палят? С трех сторон? И кричат тоже? Должно быть, еще не разобрались в этом хаосе, в каком направлении отошли русские. Сквозь поднявшийся гвалт до слуха бойца донесся еле уловимый мучительный стон.

- Васильев, ты что, ранен?

-Тяжело, Миша. Воды бы... У – ух, гады...

Яружный поспешил на помощь к истекающему кровью товарищу. Взвалил распластанное тело на себя, дотащил до укрытия. Попытался привести Васильева в чувство, но тот был уже мертв. Тем временем гитлеровцы, выкрикивая и стреляя на ходу, плотной цепью обступали опушку.

Палили наугад. Но пули уже не могли настичь проворных конников. Пришпорив отдохнувших лошадей- монголов, группа мчалась по знакомым лесным тропам. И тело убитого товарища не оставили на поле брани. Хоронили Васильева с почестями. После удачно проведенного рейда всю группу представили к наградам. Первая медаль «За отвагу» заблестела на груди Яружного. Впереди ждали новые, связанные с риском и опасностью, рейды. И были среди них такие, о которых Яружный не забыл, бы проживая две долгие жизни. Осенью сорок третьего, когда гитлеровцы начали отступать по всему фронту, в эскадрон поступило задание командования: отправить в район сосредоточения гитлеровцев разведгруппу для изучения дислокации войск и корректировки арт-огня.

- Сержант Онтиков, поручаю тебе, - распорядился взводный .

-Разрешаю взять с собой Яружного и Карелкина, - попросил сержант.

-Не возражаю.

В тот день Яружный написал заявление политруку части: «Прошу принять в ряды партии. Хочу стать коммунистом!» И политрук дал рекомендацию.

В сумерках по бездорожью, преодолевая минные поля и проволочные заграждения, добрались до станции Киврицы, на себе тащили радиостанцию, буссоль, стереотрубу, стрелковое оружие. Тайком обосновались на удобном для кругового обзора на чердаке крайнего дома. Вот только куревом и едой не запаслись.

- Один сухарь разделили на троих. Тем и жили трое суток, вспоминает Михаил Григорьевич. Мучительно долго тянулись эти сутки. Нельзя было оставлять пост. Вокруг сновали фрицы. По всему было видно – намерены отступить на новый оборонительный рубеж. На подкрепление, подходили хваленые «Тигры», «Фердинанты», самоходки - «пантеры». Живая сила отходила к станции Броды. Гитлеровцы рассчитывали остановить продвижение наших войск в Восточных Карпатах. «Ничего у вас не получится, гады. Вы уже пятки смазываете. Попробовали взять Сталинград, Москву, да обожглись. Это из - за вас сидим, здесь, зябнем и голодаем. Ох, и дадим же вам перца на закуску»- размышлял вслух Михаил, все больше злясь на непрошенных и наглых гостей. О разведанных данных группа по радиации сообщила в штаб дивизии. Вскоре на железнодорожную станцию обрушился шквал минометных и артиллерийских снарядов. Большинство из них попадали точно в цель, поражая живую силу и технику врага. Гитлеровцы пуще огня боялись русских «Катюш». Они наводили на них панику, вынуждая бросать все и драпать куда глаза глядят. От содрогания вылетали из окон стекла, осыпалась со стен штукатурка. Один угодила в угол постройки. Рухнула стена, часть чердачного перекрытия. Еле удержались на чердаке корректировщики, но это только радовало чудом уцелевших бойцов. Они с заданием командования справились с честью. За удачную операцию Яружного наградили орденом Славы третьей степени.

- Счастливы мы с тобой, Миша - шутил сержант. Трое суток, считай, сидели со смертью в прятки. И не одной царапины у нас нет, а фрицев вон сколько уложили.

- Пожалуй, ты прав - соглашался Михаил. – Значит и до Берлина дойдем. Покажем им, на чем орехи растут.

Но вместе дошли только до станции Броды, что на Львовщине. На подступах к станции осколки вражеского снаряда зацепили - таки бойца. Семь штук угодило в левое бедро. Три месяца провалялся из-за них в полевом госпитале. Там и узнал о том, что под Бродами группировка врага, насчитывавшая восемь дивизий, попала в окружение и оказалась наголову разбитой.... Подлечился и снова на фронт. День Победы встретил в освобожденной Праге. С радостью разрядил автомат очередью в небо...

Не дошел боец до Берлина, опоздал чуть-чуть. Такие же как он оставили свои автографы на колоннах поверженного рейхстага. Но складывать оружие было еще рано. На востоке страны предстояли жаркие бои с Квантунской армией. К этому времени Яружный пройдя курс учебы в школе контрразведки, возглавил оперативную группу развед - батальона. Ему довелось принимать участие в поимке и аресте видных резидентов японской разведки Смирнова и Колечкина, командующего легионом Квантунской армии белоказацкого генерала Семенова, в других опасных и ответственных операциях. За все это Яружный был награжден орденом Отечественной войны второй степени.

Статья написана со слов ветерана М. Яружного, военно - патриотическим клубом «Родины своей защитник».

Лисаковская новь №10 от 3 февраля 1978 г.

